

10. 210. 2. 592
К № 1194624

+ кр.

е

ОЧЕРКИ ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ ГИМАЛАЙИ

г-на и г-жи

Верещагиныхъ.

ЧАСТЬ I:

СИККИМЪ.

Съ рисунками.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

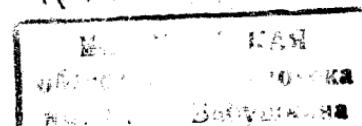
618/6

С.-ПЕТЕРБУРГъ.

Типографія М. Стасюлевича, В. О., 2 л., 7.

1883

К № 1194624

ОЧЕРКИ ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ ГІМАЛАЙІ.

(780)

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 Апрѣля 1883 года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Приглашение въ Непалъ. — Пріездъ въ Банкіпоръ. — Докторъ Симсоны. — Шароходъ. — Почтовая ъзда. — Первое впечатлѣніе сиѣговыхъ горъ. — Пріездъ въ Дарджилингъ. — Буддистскій монастырь. — Приготовленіе къ отѣзу. — Выходъ изъ Дарджилинга.

Мы получили приглашение от г-на Гёрдльстона, английского резидента въ Непалѣ, прѣѣхать туда, и вотъ изъ Агры мы направились по дорогѣ къ Непальской столицѣ Катманду. Намъ хотѣлось и въ Непалѣ побывать, посмотреть, порисовать, и слазить на Горизанкаръ или, какъ называются въ географіяхъ, Маунтъ Эверестъ—величайшую гору въ свѣтѣ.

* * *

Жаль, сегодня именно славный день: солнца иѣть, не очень жарко, хорошо бы щѣхать въ такой день верхомъ, а вмѣсто того мы сидимъ въ вагонѣ желѣзной дороги.

Вечеромъ прїѣхали въ Аллахабадъ, очень, очень святой городъ индусовъ, святой потому, что здѣсь рѣка Джумна впадаетъ въ Гангъ!

Мимоходомъ можно замѣтить, что вся эта страна богата колодцами и каналами, такъ что жители не могутъ жаловаться на недостатокъ воды.

Нашъ переводчикъ Парси, т.-е. огнепоклонникъ (изъ Бомбая), посланъ былъ съ вещами впередъ до Патны, но, не найдя тамъ Бангало или дома для проѣз-

жающихъ, онъ проѣхалъ дальше до Банкиора. Венци нали везутся въ арбахъ, запряженныхъ волами; люди идутъ при нихъ пѣшкомъ. Сами мы также вышли въ Банкиоръ и покинули преинтереснаго спутника, индѣйскаго принца, Ѳавшаго изъ Алахабада съ церемоніи похоронъ его отца въ священныхъ водахъ Ганга. Теперь онъ Ѳхалъ въ Калькуту, недалеко отъ которой его владѣнія. Хоть этому маленькому тирану было отъ 10 до 12 лѣтъ, но онъ былъ уже женатъ. Сзади, спереди и вокругъ толпилась толпа придворныхъ и слугъ.

* * *

Очень много болотъ въ окрестностяхъ Банкиора; мѣстность здѣсь низкая и жара порядочная.

Базаръ плохонькій и грязненькій; съ трудомъ добудешь, что нужно для себя и лошадей. Дрова отвѣниваютъ какъ сахаръ, сѣно ужасное—это пыльные обрывки зелени, что пробиваются по сторонамъ дорогъ.

Большая часть полей занята производствомъ опіума, которымъ Банкиоръ знаменитъ. Китай получаетъ его отсюда ежегодно не малую дозу.

Здѣсь познакомились мы съ докторомъ Симисономъ, директоромъ госпиталя и тюрьмы, немножко артистомъ по занятію фотографіею. Онъ съ большимъ интересомъ отнесся къ нашему путешествію и чистосердечно посовѣтовалъ не Ѳздить въ Непалъ, такъ какъ народъ тамъ крайне дикий и подозрительный къ европеицамъ. „Ничего не значить, что васъ пригласилъ Гердльстоинъ; онъ

самъ живеть тамъ скрѣе какъ ильиникъ, чѣмъ какъ посланикъ. Васъ не только не пустятъ въ сиѣговыя горы, но далѣе 10 миль за городъ не дадутъ отойти. Горизанкаръ увидите развѣ очень издалека"… Такъ настращалъ насть Симпсонъ, что, боясь потерять почуству времени, мы рѣшили въ самомъ дѣлѣ измѣнить планъ путешествія и, вмѣсто Ненала, направиться въ Сиккимъ, въ тамошнія сиѣговыя горы. Какъ только люди наши узнали, что мы намѣрены подняться до сиѣговъ, такъ одинъ за другимъ начали проситься въ отставку. Огнепоклонникъ первый объявилъ, что онъ получилъ извѣстіе о болѣзни жены своей и поэтому его присутствіе дома крайне необходимо. Такъ какъ счеты его были всегда порядочно луты, то мы ножалуй и рады были отѣлаться и отпустить его къ священнымъ огиямъ.

Но за нимъ стали отираливатся и посыльщикъ и новарь, старый португалецъ, воръ и мошенникъ первой руки, весьма порядочно готовившій. Этотъ увѣрялъ, что „ночью въ горахъ онъ плохо видѣть“, почему и онъ не можетъ служить намъ.

Докторъ Симпсонъ просилъ насть не смущаться; это было къ лучшему, по его словамъ, такъ какъ жалованье, которое мы платили людямъ, было непомѣрно велико.

Жаль намъ было разставаться съ лошадьми, особенно съ лошадью мужа моего Пончемъ, которую купила здѣсь молодая леди за 500 руиій. Вас. Вас. недавно только пріобрѣлъ ее за 800 руиій по случаю отъ уѣзжавшаго на родину офицера. Жаль мнѣ было отпускать и моего старого араба, попавшаго всего за 50 руиій въ руки

извозчика. Но дѣлать было нечего, не было возможности брать большихъ лошадей въ горы, гдѣ идти ни дорогъ, ни корма, къ которому они привыкли.

* * *

Докторъ Симисонъ послалъ телеграму въ Сахибганжъ, по нашему пути, что бы задержать пароходъ, идущій по Гангу, и другую телеграму въ Караголь, чтобы заготовить почтовыхъ лошадей. Это просто самый любезный изъ всѣхъ докторовъ. Онъ все подробно рассказалъ намъ, какъ мы должныѣхать, гдѣ останавливаться, что дѣлать, что смотрѣть и т. д. Онъ совѣтовалъ намъ заѣхать неизрѣмѣнно къ его пріятелю, чайному плантатору, при подошвѣ Гималайевъ. Въ тотъ же вечеръ мы распостились съ нимъ и выѣхали изъ Банкиора.

На слѣдующій день раннимъ утромъ прїѣхали въ Сахибганжъ, гдѣ пароходъ уже дожидался настѣ. Мы пошли по чудному широкому руслу Ганга. По берегамъ и на островкахъ видно множество крокодиловъ, грѣющихся на солнцѣ. Они нажираются труинами индусовъ, ежедневно бросаемыхъ въ святую реку, что, какъ известно, считается у этого народа вѣриѣншимъ способомъ пропровожденія душъ въ Рай. Мѣстами видно множество большихъ долговязыхъ птицъ, похожихъ отчасти на аистовъ, отчасти, издали, на людей.

По островкамъ—нескончаемыя массы дикихъ утокъ. Река вверхъ съуживается и очевидно не глубока. Нашъ пароходъ однажды приткнулся на мель.

По обѣимъ сторонамъ берега представляютъ сплошные пустыни; ни деревьевъ, ни травы, только песокъ и песокъ.

* * *

Въ Караголѣ, гдѣ мы вышли, почтовыя лошади были уже готовы; мы нацелились въ Бангalo чаю и, взявши съ собою одного слугу Худавъ-боя и самыя необходимыя вещи, отправились по направлению къ горамъ. Оставленные слуги съ тяжелыми вещами следуютъ за нами на волахъ. Лошади мѣняются очень часто; то они летятъ вихремъ, такъ что мы опасаемся за жизнь нашу, то, уставши, ложатся, и нѣть возможности сдвинуть ихъ съ места.

Мѣстами въ сильныхъ пескахъ запрягали намъ и быковъ.

* * *

Я снала, когда мужъ разбудилъ меня словами: „вонъ горы видны!“ Я выглянула въ окно кареты и глазамъ моимъ не повѣрила: высоко надъ горизонтомъ и синеватою линіею ближнихъ горъ, стояли, точно облака, бѣлорозовыя массы снѣга, направо Канчинга, налево Горизанкаръ. Первая на 1000 футовъ ниже второй, но по массивъ льдовъ и снѣговъ несравненно массивнѣе ея.

Дорога все поднимается и поднимается.

Наружность домовъ и жителей измѣняется; дома не такъ низки, какъ въ долинахъ, и лучшіе крыты соломою.

Люди болѣе монгольского типа, не такъ рослы и

загорѣлы. Мужчины ходятъ въ костюмѣ праотца Адама, женщины имѣютъ тряпочку для прикрытия.

Передъ каждымъ домомъ банановая деревня. Начинаются попадаться густые лѣса.

Мы пріѣхали на послѣднюю почтовую станцію, Селигори, вечеромъ, когда заходящее солнце бросало на всю окрестность ярко-розовый свѣтъ. По мѣрѣ наступленія ночи, горы погружались въ темноту; вотъ блестятъ только вершины нѣсколькихъ высотъ, вотъ уже одинъ верхъ Канчинги горитъ чисто краснымъ свѣтомъ, вотъ все потемѣло—солнце закатилось.

* * *

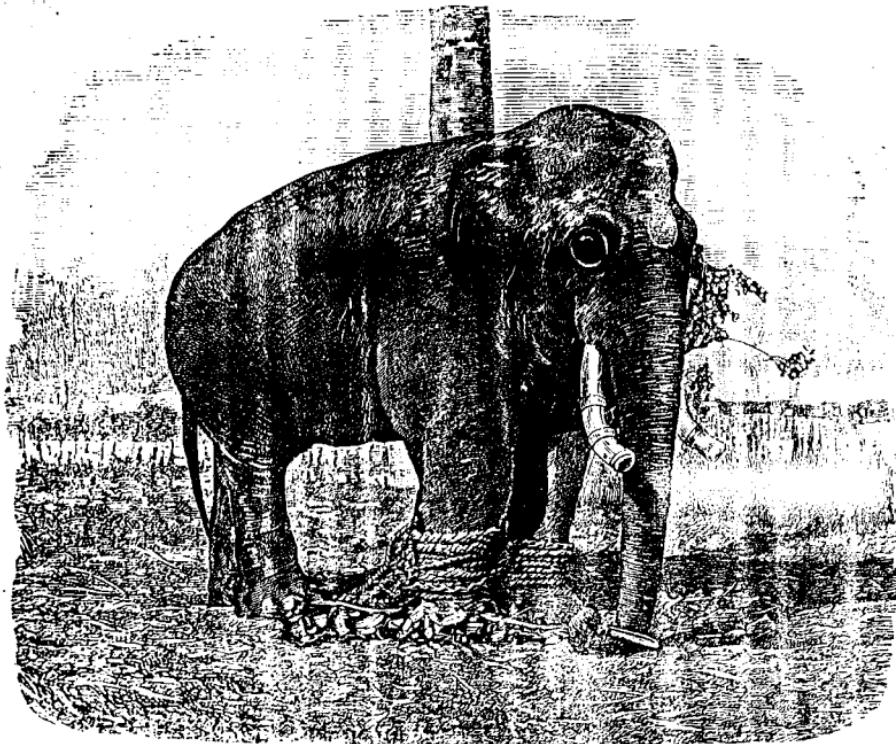
Мы должны были распорядиться приготовлениемъ къ слѣдующему дню трехъ верховыхъ лошадей, двухъ для насъ и одной для нашихъ вещей.

Объ Селигори нечего сказать—это обыкновенная станція, на которой можно выспаться, иобѣсть и получить лошадей.

Близость горъ давала себя знать; на другой день утромъ, когда мы выѣхали, было порядочно холодно.

Тераи—лѣсы, черезъ который мы должны были проѣзжать,—очень дикъ и густъ; въ ближайшихъ окрестностяхъ его до сихъ поръ еще водятся тигры и дикие слоны. Лѣса по направлению Непала еще болѣе дремучие и считаются лучшими мѣстами охоты за помянутыми звѣрями. Вся окрестность предгорій занята здѣсь чайными плантациями, всюду торчатъ обгорѣлые или выжженіаго подъ плантаций лѣса. Чайные кусты невысоки, круглы,

акуратны формою, похожи на розовые, только шиповъ къ счастію нѣтъ.

Слонъ, пойманный въ Теран.

Рекомендованный намъ Симисономъ чайный плантаторъ живеть ибсколько въ сторонѣ отъ дороги, и мы рѣшили на этотъ разъ не заѣзжать къ нему, чтобы не терять стоявшую ясную погоду, столь драгоцѣнную въ большихъ горахъ.

Мы остановились въ Нанкибари, позавтракали тамъ,

выпили плохого вина, дали вздохнуть нашимъ лошадямъ, или, вѣрнѣе, иони, и къ вечеру прѣѣхали къ станціи Карсіонъ, гдѣ надобно было мѣнять лошадей.

Послѣ переѣзда по ильинамъ, жаркимъ долинамъ чувствуешь несказанное удовольствіе въ горахъ,—не на-глядишься кругомъ и не надышешься. Растительность тутъ роскошная.

Что за удивительное, къ сожалѣнію совершило высохшее, дерево стоитъ передъ нашимъ Бангalo! Въ нашихъ мѣстахъ рѣдко удается видѣть такихъ великановъ. Недалеко отъ Бангalo есть гостинница для проѣзжающихъ, но мы предпочли расположиться бивуакомъ на станціи; благо дровъ не занимать-стать, засѣтили въ каминъ ужаснѣйшій огонь, на которомъ состряпали себѣ супъ изъ курицы, и заснули такъ, какъ снять только на высотѣ 7—8,000 футовъ.

На слѣдующій день очень хорошимъ шоссе поѣхали мы снова мимо чайныхъ плантаций, проѣхали болышио деревнею съ множествомъ буддистскихъ церквей, первыхъ нами встрѣченныхъ, за которыми открылась картина гималайскихъ спѣговъ.

Конечно, рѣдко въ жизни видишь подобную дикую красоту! Что за массы снѣговъ, краски такъ сильны и свѣжи, что кажется вотъ-вотъ онѣ сейчасъ тутъ за новоротомъ дороги, а между тѣмъ до нихъ огромное разстояніе.

Скоро вѣѣхали мы въ городокъ Дарджилингъ, пріютившійся на склонѣ горы на всевозможныхъ уступочкахъ и приступочкахъ, натуральныхъ и искусственныхъ. Мы остановились въ гостинницѣ Дойля, гдѣ хозяинъ—ма-

ленький, толстенький, очень подвижный и любезный человѣчекъ, не упускающій случая округлять цифры счетовъ.

Въ первую же нашу прогулку мы розыскали отличное мѣсто; съ него можно было хорошо видѣть горы и написать нѣсколько этюдовъ; это была площадка, на которой каждый вечеръ собирались англійскіе леди и джентльмены для игры въ воланы. Видъ отсюда на цѣнь Гималайевъ, въроятно, одинъ изъ самыхъ грандиозныхъ видовъ въ свѣтѣ.

* * *

Туземный городокъ расположенъ на сѣверномъ склонѣ горы, еще болѣе крутомъ, такъ что мазанки лѣпятся буквально одна на другой. Тутъ стоитъ буддистскій монастырь, довольно оригинальное, ярко выкрашенное бѣлой и красной краской зданіе съ нависшою соломенною крышею. Онъ окружено высокими шестами съ длинными узкими флагами, силою исписанными молитвами. По понятіямъ туземцевъ, вѣтеръ, обивая флаги, доносить содержимое молитвъ до престола божія. Для той же цѣли устроены молитвенные машины: тутъ вертикально стоящій валъ, на которомъ навернуты тысячи молитвъ, медленно поворачивается вѣрюющимъ, молящимся такимъ образомъ въ нѣсколько тысяч разъ сильнѣе, чѣмъ если бы онъ дѣлалъ это устами. Говорятъ, далѣе въ горахъ есть молитвенные валы, приводимые въ движение водою; тутъ достаточно приложенія въ храмъ, чтобы сдѣлаться причастнымъ всей безконечной молитвъ машины... Самый храмъ теменъ и фигуры боговъ въ натуральную величину, нѣкоторыя свирѣпыя, нѣкоторыя улыбаю-

щіяся, должны дѣлать впечатлѣніе на простодушныхъ поклонниковъ.

Лама, почтенный старичекъ, толкался около разныхъ домашнихъ дѣлъ, не выпуская изъ рукъ маленькой молитвенной машинки, которую вертѣлъ, приговаривая: „Омъ мани падме хумъ! Омъ мани падме хумъ“ и т. д. Когда мужъ написалъ этюдъ храма, онъ сказалъ Ламѣ: Постойте немножко, я напишу вась! — Хорошо, давай одинъ руни.—Сначала постойте, потомъ я дамъ. — Иѣтъ сейчасъ давай, а то не буду стоять.—Взявшіи руню, старикъ честно выстоялъ, пока фигурка его не была кончена.

Дома туземцевъ большинствомъ грязны, бѣдны и, какъ я сказала, очень скучены по причинѣ крутизны горы. Туземцы небольшого роста, чисто монгольского типа. Василій Васильевичъ говорилъ мнѣ, что сходство ихъ съ калмыками поразительно. Женщины по нашимъ понятіямъ некрасивы; замужнія, какъ въ Китаѣ, зачесываютъ свои роскошные волосы на верхъ головы, дѣвицы носятъ ихъ длинными косами. Черные, какъ смоль, волосы они сильно слизываютъ свинцомъ саломъ и кокетливо закалываютъ въ нихъ цвѣты. Красавицы вымазываютъ себѣ щеки краснымъ сокомъ какого-то плода, но такъ грубо, что красивѣе отъ этого не дѣлаются, по крайней мѣрѣ на европейскій взглядъ.

Тому, кто не бывалъ въ высокихъ горахъ южнаго климата, трудно себѣ представить эффекты солнечнаго свѣта въ этихъ мѣстахъ.

Вас. Вас. пошелъ разъ подъ вечеръ, чтобы сдѣлать этюдъ горъ при закатѣ солнца. Онъ приготовилъ уже палитру, но видъ былъ до того хороши, что ему хотѣлось сначала посмотреть: на иѣсколько тысячи футъ подъ нами, и на десятки миль впередъ, разстилались горы въ темно голубой тѣни, тогда какъ вся цѣнь сиѣговъ блестѣла пурпурнымъ свѣтомъ. Онъ все откладывалъ начинать писать. „Сейчасъ, сейчасъ, вѣдь это просто удивительно, вотъ еще немножко посмотрю, а потомъ начну“. Въ концѣ концовъ онъ откладывалъ такъ до самаго вечера, пока солнце не закатилось и вся окрестность не потемнѣла; онъ сложилъ тогда свой ящикъ есь красками, и мы отправились до дому.

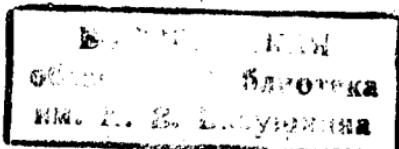
* * *

Никакъ не ожидали мы, чтобы здѣсь было до такой степени холодно, и такъ какъ не взяли съ собою ничего теплаго, то и пришлось запасаться всѣмъ слизнова здѣсь; страшаютъ — далѣе въ горахъ будеть и очень холодно.

* * *

Буддисты спокойный, добрый народъ, весьма гостепріимный, безъ тѣни той замкнутости, которая отличаетъ брахмановъ. Мы ходили вездѣ совершенно свободно и, какъ я сказала, мужъ мой рисовалъ храмъ, и снутри, и снаружи.

1194624

Обыкновенно, пока Вас. Вас. рисовалъ около храма, женщины ткали матеріи, а мужчины ничего не дѣлали, если не считать работуо безпрерывное поворачивание ручной молельной машинки. Шуму и суеты, разумѣется, бывало не мало; женщины прерывали иногда

свои занятія и отправлялись въ уголокъ, гдѣ, воображая, что ихъ никто не видить, очень и очень раздѣвались для охоты за наѣкомыми.

Одежда туземцевъ проста и удобна: кусокъ матеріи, застегнутый на груди,—вмѣсто рубашки, и затѣмъ у женщинъ халатъ изъ теплой домотканной матеріи саноги войлочные. У женщинъ на груди, разумѣется, украшения;

и у мужчинъ кошелекъ, огниво, ножикъ и проч. при поясѣ. Нѣкоторыя женщины, въ особенности Непальскія, носятъ на головахъ свернутые платки на манеръ итальянокъ. Костюмъ Непальскихъ женщинъ отличенъ въ особенности черною плотно прилегающею къ тѣлу кофтою и огромнымъ золотымъ кольцомъ въ носу.

Надобно замѣтить, что здѣшнія женщины не столь любятъ всевозможныя миниурныя украшения изъ мѣди, фольги, фальшивыхъ перловъ и т. п., до которыхъ такъ падки ихъ сестры Пиринейскихъ долинъ. Они носятъ толь-

Юноша изъ Сиккима.

ко золотыя и серебряныя венцы съ украшениями изъ бирюзы, сердолика и въ особенности янтаря—этотъ посльдній въ большиномъ почетѣ у нихъ. Нѣкоторыя изъ этихъ вещей намъ удалось купить, разумѣется, по высокой цѣнѣ, такъ какъ всякий продающій хочетъ получить не только настоящую цѣну венца, но и стоимость ея, какъ памятіи, наследованной отъ отца, дѣда, прадѣда. Напримеръ, туземцы носятъ талисманы, или зашитые въ одежду, или заключенные въ серебряныхъ ящикахъ довольно искусной и оригинальной мѣстной работы. Венцы эти передаются обыкновенно изъ рода въ родъ; и можно себѣ представить, сколько надоѣло набавлять цѣну, чтобы заставить браваго горца разстаться съ такою святынью.

* * *

Гостиница наша, хотя лучшая въ Дарджилингѣ, не очень-то удобна: тошнить комнаты нельзя, такъ какъ камни дымятъ; кушанье плохо, поэтому праздники Рождества мы провели не совсѣмъ удобно; за то уѣзжались тѣмъ, что хозяинъ нашъ прекрасный человѣкъ. Долго жить здѣсь было бы непріятно.

* * *

Женщина изъ Сиккима.

Такъ какъ мы собирались отправиться виутрь страны, въ независимый Сиккимъ, то мужъ сдѣлалъ визитъ представителю Сиккимскаго короля.—Давно ли вы выѣхали изъ Англіи?—спросилъ его толстый резидентъ.—Уже годъ.

— Какъ здоровье королевы?

— Она здорова.

— А министры.

— И они здоровы.

— Когда ёдетъ въ Англію Жангъ Бахадуръ?

— Жангъ Бахадуръ болѣнъ! Это былъ первый министръ короля Непала. Правительство Сиккима побаивалось, можетъ быть не безъ основанія, что Непальцы ищутъ случая захватить ихъ маленькое королевство и что Жангъ Бахадуръ собирался ёхать въ Англію для того, чтобы выхлоопотать согласіе на это Англійскаго правительства. Мы заручились обѣщаніемъ этого чиновника послать рекомендаціи намъ во всѣ мѣста, гдѣ мы будемъ.

* * *

Здѣшній старшій Англійскій чиновникъ, Deputy Commissioner Едгаръ, презвычайно любезный человѣкъ, принялъ большое участіе въ нашихъ планахъ относительно путешествія въ горы. Онъ обѣщалъ намъ хорошаго переводчика, служившаго прежде у одного изъ миссіонеровъ и недавно просившаго у него занятія.

* * *

Мы дали 100 рушій, чтобы сдѣлали намъ небольшую палатку изъ грубой, теплой, шерстяной матеріи. Небольшая она должна была быть для того, чтобы было теплѣе въ ней, а также для того, чтобы можно было уставлять ее вездѣ въ горахъ, не богатыхъ ровными мѣстами. Не такъ-то скоро удалось, однако, получить эту палатку. Человѣкъ, который долженъ быть набрать намъ кули, т.-е. носильщиковъ для переноски въ горахъ нашихъ вещей, взявши наши 100 рушій на матерію и работу, отиравился хлопотать, но оказался скоро въ такомъ непозволительно пьяномъ видѣ, что мы должны были отнять у него деньги. Онъ увѣрялъ, впрочемъ, что это одно недоразумѣніе, такъ какъ, кромѣ чая, онъ никогда ничего не пьетъ,—но, вѣроятно, чай креѣкій.

* * *

Базарь въ Дарджилингѣ не представляетъ ничего особеннаго, характернаго, противъ индійскихъ; продавцы по большей части тѣ же индійцы Баны — члены касты, которая боится, какъ величайшаго грѣха, умерщвленія какого либо животнаго отъ слона до блохи включительно, но въ торговлѣ безъ зазрѣнія совѣсти обмѣривающая и обвинаяющая.

* * *

Наконецъ мы нашли настоящаго сирдаря, т.-е. предводителя носильщиковъ, по имени Тиили, хорошо знающаго горы, того самаго, о которомъ говорилъ намъ еще

докторъ Симисонъ. Это Бутіа, со щелками вмѣсто глазъ, плоскимъ носомъ, широкими скулами и предлинией косой, однимъ словомъ настоящій монголъ. Онъ нанимъ для нась 25 носильщиковъ, по 13 рупій въ мѣсяцъ каждому. Себѣ назначилъ 35 рупій. Обыкновенно платятъ менѣе, но тогда кормятъ ихъ. Мы же рѣшили, что намъ удобнѣе заплатить больше и предоставить имъ питасться, какъ и чѣмъ имъ угодно.

Наконецъ 28 декабря (1874), въ 2 часа, кули подняли наши веци и выступили за нами изъ Дарджилинга.

Для начала встрѣтили мы свадебную процессію съ музыкою и танцами.

Въ этотъ день переходъ былъ небольшой, не болѣе 3-хъ миль, и все подъ гору; уже поздно вечеромъ поставили палатку на самомъ берегу шумной и быстрой рѣки Рангитъ.

Въ эту первую остановку все было у насъ въ величайшемъ беспорядкѣ.

Въ добавокъ, одинъ изъ молодыхъ носильщиковъ вывихнулъ себѣ ногу.

Длинные ножи, постоянно носимые туземцами при поясѣ, съ первого же разу зарекомендовали себя съ хорошей стороны: въ нѣсколько минутъ были нарублены дрова для нась и павѣсь для кули. Подъ шумъ и ревъ горной рѣки мы заснули сладчайшимъ сномъ.

* * *

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Лоди. Миссіонеръ.—Въ Гималайяхъ.—Неміончи.—Іксунъ.—Вохожденіе на Капчигу.—Какъ носильщики настъ покинули.—Медленное замерзаніе. Снассіе.—Джонгри.—Розысканная дорожная сумка.—Добди.—Лама.—Нангъ Чанрасен или носильный.—Монастырь Чангачелингъ.—Опять настъ Чанрасен.—Письмо короля.—Праздникъ въ Неміончи.—Танцы шантомами.

Здесь пагналь нась посланный Едгаромъ переводчикъ, родомъ Ленча, о которомъ мы уже поминали выше и котораго сомнѣвались получить наконецъ. Молодой человѣкъ одѣтъ по-европейски, но монголь лицомъ и цвѣтомъ кожи.

— У кого вы прежде служили? — спросилъ его мой мужъ.

- У настора Цетчъ, здѣшняго миссіонера.
- Сколько въ мѣсяцъ вы получали?
- Двадцать рупій.
- Чѣмъ вы у него занимались?
- Я проповѣдовалъ Евангеліе.
- Почему же вы оставили это мѣсто?
- Работа эта мнѣ не нравится.
- Что же, тяжела эта работа?
- Нѣтъ-съ, не тяжела, только мнѣ не нравится.

Тутъ опѣ объяснилъ, въ чёмъ состояли его прежнія занятія.

Достопочтенный миссіонеръ, получающій болыше содержаніе, проповѣдовалъ преимущественно по буддистскимъ монастырямъ, гдѣ по почамъ собиралъ для этого монаховъ. Монахи исполняли приказаніе англійскаго саиба (господина), являлись въ назначенное время,

териѣливо выслушивали основанія и доводы проповѣдника, но креститься въ христіанскую вѣру отказывались.

За 15 лѣтъ было всего 5 — 6 случаевъ крещенія и то болѣею частью сиротъ, дѣтей, какимъ, напр., былъ онъ, переводчикъ. Вѣроятно, эта неудача, болѣе чѣмъ трудность дѣла, отбила у молодого человѣка охоту продолжать его. Къ тому же, когда онъ бесѣдовалъ со своими соотечественниками въ отсутствіе пастора, они безцеремонно упрекали его за отступничество отъ вѣры отцевъ. Такъ или иначе, онъ панился къ намъ въ переводчики за 30 рупій въ мѣсяцъ. Василій Васильевичъ обѣщалъ ему оставить его согражданъ вѣрить, въ кого и какъ они хотятъ, но за то болтать съ ними и рисовать ихъ.

Чтобы поскорѣе догнать настѣль, Лоди не захватилъ съ собою ничего изъ своихъ вещей, такъ что мы приуждены были отпустить его назадъ, взять, что нужно, для себя и, кромѣ того, купить для настѣль на базарѣ разной провизіи и барановъ, такъ какъ мясо доставать по дорогѣ трудно.

* * *

Мы замѣнились немногимъ на слѣдующее утро и выступили, когда солнце было уже высоко. Дорога, которую намъ хвалили, была скорѣе козыя трона, чѣмъ путь для лошадей. На рѣкѣ, гдѣ останавливались отдохнуть, мы купили форелей.

Дорога дѣлалась все хуже и хуже, наконецъ мы совсѣмъ потеряли ее изъ виду и кое-какъ добрались до

деревушки въ нѣсколько домовъ, гдѣ и поставили палатку.

На бѣду, при установкѣ палатки, разворотили лежавшее старое дерево, въ которомъ была главная квартира огромныхъ пауковъ, въ отместку за это цѣлую ночь пользовавшихъ насъ и не дававшихъ намъ снать.

Здѣсь кругомъ много краснаго дерева, невысокаго сорта, изъ котораго дѣлаютъ чайные ящики и потомъ въ Европѣ употребляютъ ихъ на разныя подѣлки.

Изъ двухъ племенъ, населяющихъ Сиккимъ,—Бутіа и Лепча,—здѣсь преимущественно первое.

Лѣсовъ очень много по окрестности, и лѣсовъ пре-
восходныхъ.

Я возбуждала большое любопытство, такъ какъ до сихъ поръ ни одна европейская женщина не проѣзжала этими мѣстами.

Съ трудомъ мы пріобрѣли курицу, изъ которой вмѣсть съ консервами благодѣтеля Блаквеля, купленными у Дойля, мы состряпали себѣ отличный ужинъ.

Василій Васильевичъ и не разсчитывалъ встрѣтить много дичины, но тутъ уже положительно ничего не попадалось, такъ что заряды въ ружьѣ грозили, заплѣснѣть.

* * *

По дорогѣ встрѣчали мы длинныя, широкія стѣнки изъ простыхъ камней, съ выбитыми на нихъ надписями священной формулы буддистовъ: „омъ мани наадме хумъ“. На нѣкоторыхъ камняхъ, стоявшихъ на этихъ

стънкахъ, были выбиты фигуры божества и святыхъ, сходныя во многомъ съ изображеніями на древне-византійскихъ образахъ.

* * *

Мосты здѣсь совершенно своеобразные: 2 бамбуковые ствола, рядышкомъ положенные,—вотъ и весь мостъ.

Какъ идешь по такому мосту, онъ весь качается и прыгаетъ подъ ногами. Счастливъ въ такомъ случаѣ тотъ, кто не забылъ уроки гимнастики.

На слѣдующій день мы были уже недалеко отъ монастыря Чеміончи.

Мы проходили мимо гигантскихъ деревьевъ.

На послѣднемъ почлегѣ пришлось убить мирную курицу, чтобы не остаться голодными. Почтенная хозяйка покойной птицы страшно перепугалась и едва согласилась взять слѣдующія ей деньги—что же было дѣлать!

На другой остановкѣ вѣ-время подаренные ножницы дали возможность достать, что было нужно, безъ насилия

* * *

Когда мы еще разъ поднялись на гору, вся масса снѣговъ явилась передъ нами, да такъ близко! Налѣво показался монастырь. На здѣшнемъ прозрачномъ воздухѣ все это стояло совсѣмъ передъ нами, а между тѣмъ и до Чеміончи было еще нѣсколько миль; до снѣговъ же и подавно было очень далеко.

Подъемъ къ монастырю быль очень труденъ. На одномъ изъ новоротовъ я чуть-чуть не полетѣла съ лошадью въ иронасть. Пони мой оступился на холмѣ, и глупый сансъ (кошухъ) такъ крѣпко дернулъ его, что онъ перенугался и попытился въ сторону отъ дороги; заднія ноги его скользнули внизъ; я закричала и почти выпустила изъ рукъ поводья, когда на счастье одинъ изъ посильщиковъ успѣлъ подбѣжать и снести меня.

Послѣ этого случая я была уже менѣе безстрашина, а то прежде люди удивлялись, какъ я не боялась карабкаться по кручамъ и камнямъ на моей, правду сказать, прекрасной бѣлой лошадкѣ.

У Василія Васильевича быль рыжій пони, покойнѣе, но слабѣе моего; обоихъ мы купили въ Дарджилингѣ, по 90 рупій каждаго. Мы рѣшили оставить гдѣ-нибудь около монастыря нашихъ лошадей и идти далѣе пѣшкомъ, какъ намъ и слѣдовало давно уже,— дороги были проходимы только для пѣшеходовъ. Мы дошли до Шеміончи, а кули наши, вѣроятно, чтобы не баловать настъ, остались на полути, назади.

* * *

Монастырь Шеміончи не очень давно выгорѣлъ и теперь отстроенъ заново; постройка, можетъ быть, также хороша, какъ и прежде, но живопись, замѣняющая ста-
рую, на входномъ портику и внутри—ужасная.

Монахи приняли насъ не очень-то радушно, но не мѣшали все осматривать; однако посматривали недовѣрчиво, и только одинъ изъ нихъ поклонился намъ. Внут-

репность монастыря ничемъ особеннымъ не отличается; она порядочно велика и убрана по-здѣшнему не дурно, съ тѣмъ же отсутствиемъ вкуса, что видно по фрескамъ. Такъ какъ это не только самый старый монастырь, но и самый старший іерархически, то въ немъ множество монаховъ и семинаристовъ. Присутствование изъ этой компании въ храмѣ, при нашемъ посѣщеніи, подтрунивали, кажется, надъ нами, вѣроятно главнымъ образомъ надъ моимъ длиннымъ платьемъ.

Ожидали, ожидали мы нашихъ кули, но очевидно они не намѣрены были сегодня дойти до насъ. Пришлось приготовиться провести холодную ночь подъ открытымъ небомъ, при кострѣ. Монахи посыпали звать насъ въ монастырь, но, по правдѣ сказать, мы боялись насѣко-мыхъ, не столько прыгающихъ, сколько ползающихъ. Какой-то сердобольный лама прислалъ намъ чаю или, лучше сказать, чайного супа и мурварь; здѣсь употребляется только кирпичный чай съ масломъ, молокомъ и солью. Мурварь—роль пива изъ проса, которое пьютъ черезъ камышинку. Мы подложили сѣдла подъ головы и кое-какъ провели эту ночь, въ продолженіе которой, отъ близости огня вѣроятно, наши лица совсѣмъ вспухли.

Носильщики, ни-мало не торопясь, явились на слѣ-дующій день послѣ полудня. Самыхъ слабыхъ изъ нихъ мы отослали домой, такъ какъ часть нашихъ вещей оставили въ монастырѣ, до нашего возврата изъ горъ.

По всей окрестности здѣсь нечего было стрѣлять, пришлось все покупать. За все, что приносили намъ, требовали непомѣрные цѣны, такъ что мы покупали лишь самое необходимое и питались главнымъ образомъ консервами.

Дороговизной этой мы обязаны были главнымъ образомъ нашимъ кули, научавшимъ братъ съ насъ дороже, чтобы самимъ получать дешевле; должно быть, у насъ было слишкомъ много денегъ по ихъ мѣню.

* * *

Отъ Пеміончи до рѣки спустились мы еще на нашихъ пони. Тамъ оставили ихъ съ однимъ изъ конюховъ и отправились дальше пѣшкомъ. Сначала это было трудновато, такъ какъ долинъ въ горахъ здѣсь вовсе нѣтъ, за каждымъ спускомъ слѣдуетъ сейчасъ же новый подъемъ; это общий характеръ Гималайевъ, въ здѣшнихъ и въ соседнихъ мѣстахъ.

Послѣ еще одного привала мы добрались до деревни Яксунъ, откуда начинается настоящій подъемъ на гору Канчингу.

На-право отъ деревни, на высотѣ—монастырь Добди, который мы собираемся посѣтить на возвратномъ пути.

Отсюда дорога, особенно отъ водопада, дѣлается все труднѣе и труднѣе.

Домовъ далѣе уже нѣтъ, такъ какъ Яксунъ послѣднее жилье. Только пастухи со стадами барановъ поднимаются на гору въ лѣтнее время. Въ сильные жары они добираются до Джонгри, прохладныхъ въ это время года открытыхъ мѣсть, гдѣ построена маленькая пастушья хижина. Эти-то мѣста и были цѣлью нашего теперешняго путешествія. Василій Васильевичъ хотѣлъ не-

премънио написать этюды высочайшихъ горъ, крытыхъ не старымъ снѣгомъ, желтоватымъ и грязноватымъ, а новымъ, недавно выпавшимъ, во всей его ослѣпительной бѣлизнѣ.

Еще въ Даржилингѣ наась предупредили въ это время года (въ январѣ) на Джонгри не подниматься, такъ какъ помянутая избушка иногда въ одну ночь заносится снѣгомъ на 20 футъ высоты. Около 30 лѣтъ тому назадъ поднимался туда въ это же время года знаменитый английскій ученый Гукеръ. Наши новые знакомые въ Дарджилингѣ сомнѣвались, что памъ удастся повторить то же.

Наканунѣ отѣзда изъ гостиницы собралось въ столовой залѣ нѣсколько любезныхъ англичанъ: чайный плантаторъ, другъ и компаньонъ Симисона, очень милый человѣкъ, здѣшній королевскій инженеръ, маоръ Джаджъ, съ чисто родственнымъ участіемъ помогавший намъ въ нашихъ приготовленіяхъ, и нѣкоторые другіе. Они послали сказать мужу моему, что просятъ его прийти къ нимъ поговорить. „Мы слышали, сталъ говорить плантаторъ, что вы собираетесь въ Джонгри, и считаемъ нашу обязанностью предупредить васъ, что въ такое время года это страшно рисковано“. Послѣ нѣкотораго спора, В. В. сослался на примѣръ Гукера. „Это правда, отвѣчали ему, но Гукеръ едва ушелъ оттуда, онъ немного, немного не былъ тамъ засыпанъ снѣгомъ. Мы настоятельно просимъ васъ отложить это намѣреніе“. Василий Васильевичъ поблагодарилъ ихъ за участіе, но сказалъ, что хочетъ непремѣнно быть на этихъ высотахъ.— Въ такомъ случаѣ не берите съ собою, по крайней мѣрѣ,

жену вашу! — Не думаю, чтобы она осталась, — вѣроятно, она пойдетъ со мною...

Носильщики наши однако, кажется, не очень-то входили въ наши намѣренія любоваться высотами и рисовать ихъ, они явно показывали свое нерасположеніе и двигались туда.

Отъ момента водопада дорога сдѣлалась такъ дуриа, что передніе должны были втачивать слѣдовавшихъ за ними — веревками.

Удивительно, какъ могутъ проходить здѣсь одинокіе пѣшеходы, когда тропинки, ведущія въ Непалъ, совершенно заносятся снѣгомъ; впрочемъ, кажется, действительно въ продолженіе нѣкотораго времени сообщеніе совсѣмъ прекращается.

Мы поднялись за первый переходъ до 11,000 фут. и расположились подъ огромнымъ деревомъ, на слой сухихъ листьевъ съ него, покрывавшемъ землю.

Множество комаровъ встрѣтило насъ здѣсь и еще болѣе клещей, уберечься отъ которыхъ не было возможности. Клеци эти всасывались въ тѣло, такъ что ихъ трудно было отдирать.

Ночью выпало не мало снѣга, но болѣе не случилось ничего особенного, если не считать ссоры двухъ нашихъ людей, изъ которыхъ одинъ, низшей касты, наступилъ на ногу другого высшей касты. Мнѣ пришлось судить и мирить ихъ.

На переходѣ отсюда случилось слѣдующее. Мужъ мой, услыхавши, что въ сторонѣ отъ дороги кудахтаетъ дикая курочка, пошелъ съ ружьемъ. Я осталась ожидать на дорогѣ. Когда мы снова тронулись, я замѣтила,

что оставила на томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣла, мою дорожную сумку. Мы воротились, но сумки уже не было. Мы остановили всѣхъ носильщиковъ и объявили имъ, что между ними долженъ быть воръ.

Спрашивали: не напиль-ли кто? Никто ничего не видѣлъ и не бралъ. Тогда Тинли сказалъ намъ, что онъ постарается найти деньги, но съ условіемъ, что если онъ найдетъ, то мы не будемъ добиваться узнавать имя вора. Мы согласились, и на томъ дѣло покамѣстъ и порѣшили. Но правдѣ сказать, мы подозрѣвали крѣпко одного кули, шедшаго впереди всѣхъ и теперь почему-то вышелшаго намъ на-встрѣчу изъ лѣса, но, чтобы не нарушить условія, мы промолчали.

Снѣгу выпало столько, что пришлось надѣть наши тяжелые, длинные сапоги. Что далѣе, то пустыннѣе и молчаливнѣе становилось кругомъ и тѣмъ глубже лежаль снѣгъ. Мѣстами его было уже по колѣно.

Съ нами былъ только охотникъ, таскавшій ружье, и кули Карсынь, несшій лицѣкъ съ красками; всѣ остальные остались порядочно далеко назади. Мы скользили и падали такъ часто, что уже не помогала палка, за которую тащилъ меня охотникъ, тогда онъ взялъ и потащилъ меня за руку.

Интересны были слѣды дикаго яка, попавшіеся на дорогѣ; они были такъ свѣжи, что, очевидно, животное только что передъ нами перешло дорогу, такъ и видно было, гдѣ тащился по снѣгу тяжелый пушистый хвостъ.

Мы вышли на открытое мѣсто Маунтъ-Лепча. Печаль былъ нашъ отдыхъ здѣсь. Нечего ни поѣсть, ни попить. Немного хересу, что было у Василія Васильевича въ карманной фляжкѣ, смѣшаннаго со снѣгомъ, нѣсколько утолило жажду, но голодъ давалъ себя чувствовать. Мы все поочередно часто кричали, стрѣляли изъ ружья и пистолета, чтобы поторонить кули.

Ни отвѣта, ни привѣта. Намъ оставалось выбирать одно изъ двухъ: или воротиться къ носильщикамъ, или дойти до хижины, бывшей уже недалеко отъ насъ, по словамъ нашего охотника, бывавшаго уже здѣсь лѣтомъ. Разумѣется, мы выбрали послѣднее. Снова охотникъ взялъ меня за руку и мы поплелись по глубокому снѣгу. Скоро Василій Васильевичъ выбился изъ силъ и объяснилъ, что дальше онъ не можетъ идти. Мы были на высотѣ 14,000 футовъ.

Спички наши отсырѣли и не горѣли, но такъ какъ огня надо было добыть, во что бы то ни стало, то охотникъ нашъ выстрѣлилъ, на близкомъ разстояніи, въ тряпку, которая и задымилась. Кули наши раздули огонь и скоро запыпалъ у насть славный костеръ. Отдохнувши и обогрѣвшись, мы рѣшили идти дальше къ хижинѣ. Пошли по силошному льду, покрытому снѣгомъ, скользили и падали, снова шли, пока я не упала въ обморокъ; мужъ говорилъ мнѣ послѣ, что я посингѣла такъ, что онъ думалъ, конецъ мой пришелъ.

Снова мы воротились къ огню и послали охотника поторонить кули или, по крайней мѣрѣ, принести одѣяло и ящикъ съ провизіей. Онъ обѣщалъ все это исполнить, ушелъ—и пропалъ. Положеніе наше дѣжалось кри-

тическимъ, холодъ былъ сильный; одежда на насть, съ одной стороны, дымилась отъ жару, въ то время какъ съ другой—на ней наростало льда на 2 пальца толщины. Карсынь далъ намъ свой плащъ, но такой легкій, что пользы отъ него было мало. Морозъ все усиливался. Въ сторонѣ лежали ящики съ красками.

Холодъ дѣлался нестерпимымъ, мы лежали, съживившись, передъ огнемъ и, какъ я уже сказала, почти обжигались съ одной стороны, въ то время какъ другая мерзла и леденѣла. Мы стали просить послѣдняго, остававшагося съ нами кули пойти на встречу своимъ товарищамъ и хоть принести намъ что нибудь теплого. Онъ сначала начисто отказался. Однако обѣщаніями хорошей получки на водку удалось убѣдить его. Онъ пошелъ и тоже пропалъ! Мы остались одни посреди мертвой тишины.

Морозъ къ утру все усиливался, и я дивилась, какъ могъ мужъ мой, въ такомъ бѣдственномъ положеніи, еще разсуждать о тонахъ и краскахъ двигавшихся надъ нами облаковъ.—Другой разъ, говорилъ онъ, надо прийти сюда со свѣжими силами и сдѣлать этюды всѣхъ этихъ эффектовъ, ихъ увидишь только на такихъ высотахъ...

Ночь эта, о которой я буду помнить всю мою жизнь, наконецъ кончилась. Но и на утро никто не являлся. Мы снова начали звать и стрѣлять изъ ружья. Ни малѣйшаго отвѣта, точно будто вымерли всѣ наши слуги и носильщики, или бросили насъ и ушли назадъ. Чего мы ни передумали: можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ бросили насъ въ предположеніи, что мы замерзли. Случись

это действительно, насъ назвали бы сумасшедшими, тѣмъ дѣло и кончилось бы.

* * *

Уже снова день склонялся къ вечеру, а мы все еще ожидали нашихъ людей, сидя на сиѣгѣ около костра, съ трудомъ поддерживаемаго сырьми прутьями; къ холоду мы сдѣлялись менѣе чувствительными, такъ какъ начинали коченѣть, но голодъ давалъ себя знать.

Василій Васильевичъ рѣшился наконецъ, собравши послѣднія силы, идти розыскивать людей; онъ одѣлъ кое-какъ свои смерзшіе сапоги и бодро выступилъ въ путь. Послѣ онъ признавался, что, прощалась со мною, не разсчитывалъ болѣе найти меня живою. Силенки его на столько истощились, что черезъ каждые 10—20 шаговъ онъ долженъ былъ останавливаться, чтобы перевести духъ; скоро онъ скрылся изъ виду и я осталась одна одинешенька. Я съежилась и укрылась, какъ только могла, но пошелъ сиѣгъ и потушилъ мой огонь. Приходилось просто замерзать. Тогда я встала, чтобы также идти, но сапоги такъ замерзли, что налѣзали лишь на половину ноги, и идти можно было крайне медленно. Былъ уже снова вечеръ, когда наконецъ показался кули съ кое-какою провизіею и теплыми вещами для насъ. Мой первый вопросъ былъ: гдѣ же саибъ (господинъ)?—Саибъ сейчасъ идетъ.

Въ самомъ дѣлѣ мужъ мой скоро показался, но не на ногахъ своихъ, а на спинѣ кули. Онъ говорилъ мнѣ, что ушелъ отъ меня не болѣе какъ на версту, постоянно остана-

вливаюсь и садясь на снѣгъ, и какъ разъ вѣ-время встрѣтилъ носильщиковъ, потому что идти далѣе не могъ.

Одного послалъ онъ сейчасъ же ко мнѣ, другому же уѣхалъ на закуки и такъ дотащился до моего бивуака. Снова засыпалъ костеръ, мы сварили супъ изъ привезенного пѣтуха и настолько подкрепились, что были бы совсѣмъ молодцами и пошли бы куда угодно, еслибы не сильная головная боль у Василья Васильевича. Я вѣ добавокъ почти не могла смотрѣть, 'такъ ослѣнила меня снѣгъ.

Поздно вечеромъ пришелъ Тинли собственою персоною, а съ нимъ и остальные кули. Мужъ сказалъ мнѣ по секрету, что съ удовольствиемъ поколотилъ бы ихъ, но воздержался, чтобы, чего доброго, они не разбѣжались. Пришлось дѣлать bonne mine à mauvais jeu. Кули пошли къ хижинѣ. Мы за ними.

Дорога до того была гладка отъ льда, что, не смотря на глубокій снѣгъ, не только мы вѣ нашихъ европейскихъ сапогахъ, но и носильщики поминутно скользили и кувыркались.

* * *

Наконецъ мы пришли къ избушкѣ, самому жалкому строенцу. Со всѣхъ сторонъ, съ полу и съ крыши, прещирокія щели, чрезъ которыхъ дуло и павѣвало снѣгъ. Все-таки мы отдохнули и Василій Васильевичъ началъ писать нѣсколько этюдовъ окружныхъ сибирскихъ горъ; онъ такъ ослабѣ, что два кули помогали ему входить на гору, съ которой онъ писалъ. Солнце жгло ему го-

лову и спину въ то время, какъ на груди отъ дыханья собирался ледъ, а пальцы едва могли держать палитру и кисть—отъ холода. Кажется, онъ сдѣлалъ ошибку, что, попадѣвшись на прохладу горъ, предпринялъ свой подъемъ въ обыкновенной погрѣвой

Гора Джонгри.

шляпѣ,—удары солнца здѣсь почти также сильны, какъ и въ долинахъ.

Лицо его пухло все болѣе и болѣе, глаза смотрѣли щелками, при этомъ онъ чувствовалъ сильнѣйшую боль въ головѣ, которая совсѣмъ не могла новорачиваться. Покорѣе надобно было оканчивать занятія и уходить.

Кто не былъ въ такомъ климатѣ, на такой высотѣ, тотъ не можетъ составить себѣ понятія о голубизнѣ

неба,—это что-то поразительное, невероятное, краска сильней всякаго чистаго кобальта, это почти ультрамаринъ съ небольшою дозою кармина. Розовато-блѣлый снѣгъ на этомъ темномъ фонѣ является поразительнымъ контрастомъ. Впрочемъ, я говорю это со словъ мужа, который жалобы на сильную головную боль перенѣшивалъ восхищеніями отъ окружающихъ массъ снѣговъ. Сама я, должна признаться, пробовала нѣсколько разъ полюбоваться видами, но каждый разъ поскорѣе закрывала глаза и спасалась въ избушку,—глаза мои не переносили силы свѣта ярко освѣщенаго, недавно вынавшаго снѣга.

Двое кули, у которыхъ не было сапоговъ, остались внизу при вещахъ, чтобы не обжечь снѣгомъ ноги; но нашимъ слугамъ индѣйцамъ, не желавшимъ подниматься, мы дали знать, что если они не придутъ, то не получать жалованья. И надобно было видѣть, какъ одна за другой стали появляться ихъ тощія, длинные фигуры, съ ужасомъ созерцающія разстилавшіеся кругомъ снѣга.

Здѣсь вспомнили мы Лоди и пожалѣли, что его не было съ нами. Будь онъ тутъ, мы совершили бы это восхожденіе какъ простую прогулку, безъ приключений.

Какъ было уже сказано, мы его послали назадъ въ Дарджилингъ купить разной провизіи, и онъ еще не успѣлъ воротиться.

Василій Васильевичъ окончилъ этюды на третій день нашего пребыванія въ избушкѣ и послѣ полдня мы начали спускаться. Пора было, лицо его такъ опухло, боли въ головѣ такъ усилились, что онъ навѣрное умеръ бы, если бы мы остались тамъ еще дольше. Къ тому же по

иъкоторымъ признакамъ надобно было скоро ожидать дурной погоды, т.-е. снѣга, на этихъ высотахъ обыкновенно погребающаго неосторожныхъ живьемъ, въ сугробахъ. И такъ и спустилась, не видѣвши красотъ сѣжихъ горъ въ такомъ близкомъ разстояніи. Осталось только впечатлѣніе чего-то громаднаго, блестящаго, помню,

Гора Канчинга.

что надъ самою высокою горою лежало, плотно прилегну къ ней, легкое облако, отличавшее Канчингу отъ прочихъ горъ. Люди наши прикрывали глаза концами своихъ кисейныхъ тюрбановъ. Кули почти все имѣли глубокіе очки съ проволочными боками и зелеными или синими стеклами. Понять не могу, какъ могъ Василій Васильевичъ писать свои этюды.

Спускъ былъ, разумѣется, значительно легче, чѣмъ

подъемъ, хотя тронику и замело глубокимъ снѣгомъ, выпавшимъ еще за эту почь.

Начавши спускаться послѣ полудня, мы довольно рано еще пришли въ Бакимъ, гдѣ ожидали настъ кули и палатка съ вещами.

Кули наши весело заварили себѣ какую-то похлебку изъ вонючихъ рыбъ съ рисомъ, да и мы чувствовали себя спокойнѣе, чѣмъ тамъ, на верху.

Въ видѣ развлечений мы имѣли удовольствіе слышать изъ нашей палатки, какъ кули Карсынь, присутствовавшій въ первое время нашего замерзанія, рассказывалъ своимъ товарищамъ про наше бѣдственное положеніе; мошенникъ ловко представлялъ, какъ мужъ мой жалобнымъ тономъ просилъ или огня подложить, или прикрыть настъ... Разумѣется, вся команія хотела отъ чистаго сердца. Мы дали на водку обоимъ, бывшимъ съ нами кули, и тѣмъ, что пришли къ намъ на выручку, въ назиданіе лѣнивымъ, пришедшемъ поздно.

* * *

Здѣсь кстати можно сказать иѣсколько словъ о кули. Ихъ предводитель Тинли, старый травленый волкъ, хорошо знающій свое дѣло, т.-е. своихъ людей, здѣшнія дороги и всѣ порядки. Послѣ него, помощникъ и племянникъ его, Карсынь, будущій сирдарь,—тотъ, что таскалъ ящики съ красками (самую легкую иону) и смылся, какъ сказано, надѣ нашею бѣдою; онъ стыдился таскать иону, иѣсколько разъ порывался сдѣлать есѣ другимъ, а самому разыгрывать роль сирдаря № 2,

но такъ какъ это не удавалось, то, по крайней мѣрѣ передъ входомъ въ людныя поселенія, сказывался не-здоровымъ и не несъ ничего, свободно любуясь и давая собою любоваться мѣстнымъ красавицамъ — онъ былъ весьма красивый малый.

Пашъ охотникъ, съ вѣчно непрославшемся физіономіей, добрый дѣтина и порядочный пьяница. Кажется, у него мало было способности губить божьи твари для потѣхи, но крайней мѣрѣ онъ за все время такъ-таки ничего и не убилъ, за то очень старательно помогалъ мнѣ идти въ снѣгахъ и по камнямъ. Одинъ кули былъ пресмыжной: толстый, довольно миловидный, похожій на женщину, всегда усердно помогавший при постановкѣ и сборѣ налакти и имѣвший специальностью ставить вѣриши въ рѣкахъ, около которыхъ мы располагались; но не столько рыба не давалась въ верши, сколько онъ краль ее, такъ какъ мужъ мой, вставая иногда рано, случайно видѣль, какъ этотъ кули, крадучись, осматривалъ свои рыболовни. Было еще нѣсколько разныхъ типовъ, болѣе или менѣе блудливыхъ; кажется, очень большихъ негодяевъ не было.

Вообще кули грубоватый, нѣсколько лѣнивый, но довольно добродушный народъ. Бута живѣе и энергичнѣе, чѣмъ Ленча; все слушались и покорялись безпрекословно спирдарю. Напр., съ моимъ потерянною сумкой сдѣлалось именно такъ, какъ говорилъ Тишли. Когда мы пришли къ мѣсту, где случилась потеря, онъ просилъ у насъ дозволѣнія найти поискать и скоро возвратился изъ лѣсу съ находкой. По всей вѣроятности, сумочка лежала все эти дни зарытая въ землю, потому что оказалась насквозь про-

мочененою. Такъ какъ мы обѣщали, то, разумѣется, и не пробовали разузнавать, кто покушался на нашу собственность.

* * *

Къ деревнѣ Яксунъ дорога, размытая дождями, сдѣлалась еще хуже, чѣмъ была за первый нашъ проходъ. Сиѣгъ такъ надоѣлъ нашимъ кули, что безъ обычной остановки дошли мы до самой деревни, названной Якъ-Сунъ въ честь трехъ ламъ, обратившихъ край въ буддистскую религию.

Только что горевали мы о томъ, куда заиронастился нашъ Лоди, какъ на поворотѣ дороги ближней горы, показались сначала бараны головы, а потомъ и огромная шапка переводчика, дававшая ему видъ большаго гриба. Онъ доставилъ намъ 5 барановъ, 2 короба куръ, письма и газеты. Отъ такого неожиданного благополучія мы забыли наши невзгоды. За это время мы не были избалованы мясною пищею—отъ Джонгри дичины почти не было, Василій Васильевичъ застрѣлилъ только одну дикую курочку и двухъ утокъ.

Дожди шли день и ночь и такие сильные, что сквозь плотную нашу палатку капало на насъ по ночамъ.

* * *

Въ деревнѣ Яксунъ двѣнадцать, пятнадцать домовъ. Хоть дорога, по которой мы шли, и очень дурила, но она составляетъ главный путь провоза соли въ Тибеть, такъ

какъ по болѣе удобному пути, чрезъ Непалъ, слишкомъ велики пограничные поборы.

Около деревни, на горѣ, старинный монастырь Добди, окруженный плакучими ивами. Отъ ламы этого монастыря мы получили въ презентъ масла и молока, за которыхъ я щедро заплатила. Конечно, мужъ мой воспользовался случаемъ написать пѣсколько этюдовъ съ ламы, его жены и самого монастыря, очень интереснаго, уютно убраннаго. Лама рассказалъ намъ, что ихъ родъ изъ поколѣнія въ поколѣніе служитъ главными священниками при этой церкви. Онь, какъ большинство его собратовъ, простой, неподсаженный, добрый малый, женатый, какъ сказано, и отецъ семейства. Жениться ламы не имѣютъ права, для этого нужно особенное разрешеніе, что не обходится безъ платы и подношений духовному начальству. Во что обходится женитьба безъ разрешенія, знаетъ нашъ лама на примѣрѣ своего семейства: отецъ его, распорядившись своею судьбою собственной властью, пробылъ всю оставшую жизнь въ заключеніи при монастырѣ же. Странно, что старушка, вдова его, ходитъ въ платьѣ своего покойнаго мужа; не знаемъ, имѣла ли она на то разрешеніе или только донашивала платье, но вольности дворянской.

Надобно думать, что сынъ ея, пріятель нашъ лама,— не маловажное лицо: куда бы и когда бы не отлучался онъ изъ монастыря, звукъ трубы возвѣщаетъ окрестности объ этомъ событии, жители становятся на колѣни при его проходѣ, целуютъ руку его или края одежды. Видно, что духовенство пользуется въ странѣ большимъ уваженіемъ.

Первые правители Сиккима жили въ Яксунѣ, такъ что деревушка эта занимаетъ място въ исторіи страны. Жители, какъ гуси въ баснѣ, не пропь погордиться минувшимъ значеніемъ ихъ мястности. Еще сохранилась часть постройки, дворца или укрѣпленія, въ развалинахъ которой большое дерево пустило свои корни. Тамъ есть място, называемое королевскимъ, гдѣ, по преданію, творили судъ первые правители. По близости было маленькое озерко, теперь высохшее, по разсказамъ туземцевъ ни болѣе, нименѣе, какъ украденное чортомъ и перенесенное въ ближайшее озеро.

На то, что здѣсь начало государства Сиккима, указываетъ и легенда, приписывающая происхожденіе народа изъ ногъ Канчинги.

Ламамъ, проповѣдовавшимъ буддизмъ, посчастливилось заслужить общее довѣріе. Чтобы усмирить раздоръ въ странѣ, они назначили правителя или короля изъ почетнейшей фамиліи. Короли долго имѣли здѣсь свою резиденцію и только въ недавнее сравнительно время перенесли ее въ Томлонгъ, подальше отъ границы враждебнаго Непала.

* * *

Должно быть, нашъ Чапрасси (посыльный) предавался размышиленіямъ обо всѣхъ этихъ превратностяхъ судьбы, когда случился съ нимъ такой казусъ. Когда онъ однажды варилъ свое кушанье, проходившая мимо корова полюбопытствовала узнать, что именно стрянастъ онъ,— или ей не понравилось кушанье, или она обожгла морду, только она начала сбрасывать котелокъ съ морды, а

какъ это было не легко, то и выдѣлывать уморительныя штуки; наконецъ корова поскакала маринъ-маршемъ, очевидно съ отчаянія, Чапрасси за нею...

Надобно сказать, что Чапрасси наше, хотя человѣкъ замѣчательной глупости, принадлежалъ къ высшей кастѣ Такуровъ. Чтобы оберегать чистоту своей касты, онъ для приготовленія, напр., своего кушанья забирался какъ можно дальше, чтобы ни чей нечистый взглядъ, ни нашъ, ни кого либо изъ нашихъ слугъ, ниисней противъ его кастры, не осквернилъ таинство приготовленія и пожиранія похлебки. Онъ заходилъ далеко отъ всѣхъ насть, въ высокую траву, подъ скалу или подъ кустъ, зажигалъ огонь и приступалъ къ дѣлу варенія супа, исченія хлѣба и т. д. Часто я выговаривала ему, зачѣмъ онъ заходить такъ далеко, что въ случаѣ надобности, нѣть возможности его дозваться. Ничего не помогало до помпунтаго случая съ коровою, когда онъ увидѣлъ наконецъ, что не слѣдуетъ полагаться только на свои силы, даже и при варкѣ супа. Чтобы представить себѣ комизмъ этой сцены, надоѣло знать, что корова для индуовъ священное животное, бить ее нельзя, почему бѣдный послыльный нашъ принужденъ былъ уговаривать ее отдать котелокъ пантомимами и ласковыми словами.

* * *

Мы получали много подарковъ отъ жителей въ видѣ масла, риса и т. п., но скоро замѣтили, что главная причина этой внимательности заключалась въ щедrostи,

съ которою мы отдавали эти подношения. Мы перестали съять руни, прекратились тотчасъ же и подарки.

* * *

Противъ насъ развалины монастыря, замѣчательныя по словамъ туземцевъ тѣмъ, что подъ ними, въ землѣ, лежать мѣдныя тарелки (обыкновенно употребляемый при богослуженіи инструментъ), которыя сами ударяются одна о другую, какъ только бываются взяты въ руки. Тѣмъ, кто покушается ихъ присвоить, они приносятъ несчастіе для цѣлаго дома. Конечно, мы не выражали сомнѣнія въ этомъ чудѣ, тѣмъ не менѣе не рѣшились жертвовать временемъ для осмотра другого чуда, лежащаго въ нѣсколькихъ часахъ отъ нихъ: это гротъ, въ которомъ пить обыкновенно воды. Вода и еще теплая, является по молитвѣ ламы и исцѣляетъ отъ всѣхъ болѣзней.

* * *

Жители здѣшніе выплачиваютъ королю подати частью деньгами, а главнымъ образомъ натурою. Должно быть лама Добди опоздалъ въ нынѣшнемъ году доставить свою часть, такъ какъ при насъ получилъ строгое приказаніе короля немедленно доставить слѣдуемое. Какъ бѣдняга перепугался и какъ заторопился!

* * *

По всей вѣроятности, нашъ добрый пріятель Едгаръ, Deputy Commissioner въ Дарджилингѣ, исполнилъ свое обѣцаніе написать въ монастырь Неміончи, потому что мы получили оттуда говядины и муравара. Получили также и приглашеніе посѣтить этотъ монастырь. Но мы располагали сначала проѣхать въ близъ лежащей монастырь Чангачелингъ.

Много снѣга выпало какъ разъ къ празднику, справляемому въ честь снѣговыхъ горъ. Лама нашъ заявилъ себѣ художникомъ. Онъ выѣхалъ изъ риса множество фігурокъ различныхъ божествъ. Къ празднику этому стеклось въ Добди съ разныхъ сторонъ не мало богоильцевъ. Были процесіи кругомъ монастыря подъ звуки трубъ и т. д.

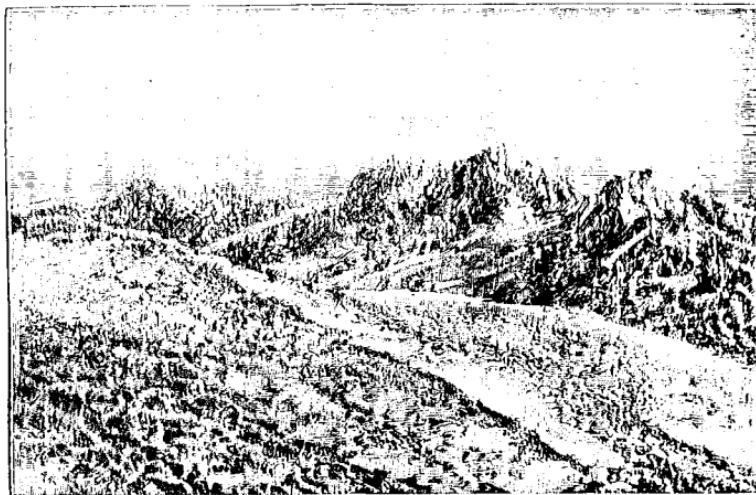
Передъ отѣзломъ нашимъ лама принесъ съ своимъ сыномъ, или нашъ чай и хвалилъ. Сынушка его не такой дипломатъ, не захотѣлъ пить,—ему не понравилось. Лама продалъ намъ свою верхнюю шелковую одежду и, вынувши рюмку хересу, ушелъ довольный, хотя и въ очень облегченномъ платьѣ, домой.

* * *

Жалко намъ было разставаться съ Яксуномъ. Въ особенности ночи въ этомъ ущельѣ, окаймленномъ громадными горами, были очень хороши. На глубокомъ прозрачномъ темно-зелено-голубомъ небѣ звѣзды горѣли такъ ярко, что какъ будто висѣли надъ головами. Огонь передъ нашей налаткой яркимъ пятномъ видѣлся въ этой темнотѣ, разбрасывая далеко искры. Издали

виднѣлась надъ ущельемъ вершина сибирской горы Пандимъ, освѣщенная луною и рисовавшаяся блѣдию, зеленоватою массою, окаймленною густыми лѣсами близъ лежащихъ горъ. Однако, и въ этомъ раю иѣкоторые изъ нашихъ людей заболѣли лихорадкою.

Мы вышли отсюда по совѣтѣ размокшой дорогѣ. Скоро дошли до мѣста, гдѣ оставили лошадей, оказав-

Гора Пандимъ.

шихся крѣпко заморенными. Очевидно, юный конюхъ въ отсутствіе наше, каталъ на нашихъ пони красавицъ всего околотка. Дѣйствительно, мы узнали, что одна изъ черноглазыхъ дщерей горъ заполонила сердце нашего саиса. Онъ заговаривалъ о будущей свадьбѣ, что намъ не помѣщало прогнать его, какъ виновника необычайной худобы лошадей нашихъ.

* * *

Я пришла въ Чангачелингъ раныне всѣхъ, и Василий Васильевичъ засталъ уже меня сидящею среди ламъ, самый старшій между которыми принялъ насть очень любезно. Такъ какъ шелъ сильный дождикъ и носильщики наши опоздали, то лама предоставилъ въ наше распоряженіе на ночь одну изъ церквей, не ту верхнюю, въ которой мы болтали и богъ которой, по словамъ его, былъ очень суровый, а одну изъ нижнихъ, очень просторную, съ колоссальными священными статуями.

Надобно удивляться религіозной терпимости буддистовъ, особенно сравнительно съ брахманами, которые боятся, напр., чтобы даже тѣнь невѣрующаго не коснулась храма ихъ боговъ: Браhma, Сива и Вишну.

Мы осмотрѣли всѣ фрески монастыря, очень недурные, и познакомились со всѣми богами, злыми и добрыми. Внутри главнаго храма, какъ вездѣ, низкія скамьи для богомольцевъ, ближе къ алтарю большой удобный стулъ для старшаго ламы. Живопись довольно старая и поэтому не такъ рѣжущая глазъ. Особенно не дурно раскрашены колонны съ огромными капителями. Входный портикъ красивъ и хорошо разрисованъ; по обѣимъ сторонамъ его молитvenныя машины, цѣлый день привѣдимыя въ движение или ламами, или проходящими. Въ глубинѣ, какъ уже сказано, три колоссальные статуи буддистской троицы. Въ срединѣ создатель міра, начало и конецъ всего; направо и налево отъ него святые, почти обоготворенные: первый—проновѣдникъ буддистской религіи въ Гималайяхъ, второй—Будда. Всѣ они сидятъ, поджавши ноги, на священномъ цвѣтѣ лотосѣ, съ неизмѣнною улыбкою на губахъ, глядя на которую

такъ и припоминается улыбка греческихъ боговъ древнѣйшаго времени. У проповѣдника—чернаго цвѣта лицо, въ знакъ того, что онъ пришелецъ съ юга. У Будды уши проткнуты, по серегъ въ нихъ пѣтъ, точно также, какъ и въ другихъ украшений, что должно означать презрѣніе къ сущности мірской этого пріища-философа.

* * *

Мы разставили палатку на маленькомъ дворѣ монастыря, такъ что могли вдоволь наблюдать монастырскую жизнь. Съ ранняго утра раздается звукъ трубы, изъ кости человѣческой руки по обыкновеннымъ диямъ и изъ предлиниаго мѣднаго инструмента по праздникамъ. Въ продолженіе цѣлаго почти дnia идетъ служба съ акомпаниментомъ мѣдныхъ тарелокъ,—это все заказные молебны, сопровождаемые приношеніями главнымъ образомъ натурою, такъ что въ промежуткахъ жеванью, чавканью, пканью пѣтъ конца.

Нашъ хозяинъ, старшій лама, былъ очень старъ и уже раза два совсѣмъ было собирался отдать богу душу.

Въ самое послѣднѣе время передъ нашимъ приходомъ онъ чувствовалъ себя очень дурно, но исправился, по словамъ его, благодаря бутылкѣ портвейна, пами подаренной. Въ совершенное выздоровленіе свое онъ все-таки не вѣрилъ, такъ какъ роздалъ всѣ вещи и продалъ намъ послѣднєе свое священнническое платье.

* * *

Мѣстность Чангачелинга иревосходная. Монастырь стоитъ на высотѣ 9,000 фут. слишкомъ. По сѣверной

сторонъ—всѧ линія снѣговъ съ главными узлами хребта, Канчигой, Пандимомъ и друг.; съ другой, южной, сдва виднѣется Дарджилингъ съ рядами кряжей, вилотъ до большой индійской равнины. Иногда, когда облака стояли низко, мы проводили цѣлые дни въ туманѣ. Временами онъ разсѣвался, тогда открывался ярко освѣщенный солнцемъ видъ на далекія голубыя горы, потомъ снова все задергивалось налетавшимъ облакомъ. Прежде, должно быть, монастырь былъ болѣе оживленъ, такъ какъ напротивъ него стояла женская обитель.

Частенько, по вечерамъ, лама присаживался къ нашему огню, и болталъ и шутилъ съ нами такъ живо и весело, какъ только старость позволяла ему. Однъ разъ, однако, онъ весьма серьёзно рассказалъ, что видѣть во снѣ, будто монастырскій богъ сердитъ на насъ.—За что?—А за то, что мы жаримъ на вертелѣ сырую говядину, не проваренную предварительно, что Богу не-пріятно.

Лама этотъ получилъ свое образованіе въ монастырѣ Пеміончи, высшемъ разсадникѣ учености въ здѣшнемъ краѣ.

* * *

Мы получили изъ Пеміончи формальное приглашеніе на праздникъ въ честь снѣговыхъ горъ, сиравляемый здѣсь, въ центрѣ буддистскаго вѣроученія, съ особыніемъ торжествомъ. Ламы послали сказать, что встрѣтить насъ въ торжественной процессіи, подъ звуки трубъ—что мы, разумѣется, отклонили.

На праздникъ сбѣхалось уже много народа со всѣхъ

ближнихъ и дальнихъ окрестностей, когда мы явились. Всѣ ламы были въ праздничныхъ нарядахъ. Мѣсто для пантомимъ и тацевъ было приготовлено на площадкѣ передъ монастыремъ, съ одной стороны которой—флаги, представляющіе каждый одну изъ снѣговыхъ горъ, съ другой—балдахинъ для главныхъ ламъ.

Въ рвениѣ достойно приготовиться къ великому празднику, священники перекрасили заново весь монастырь, расписавъ при этомъ портикъ ярко-новыми фресками самаго ужаснаго вкуса.

Когда мы вошли, ламы были въ храмѣ, занятые на половину молитвою, на-половину прѣомъ приношений; часть послѣднихъ, разумѣется незначительная, выбрасывалась дьяволу, а другая посвящалась богу, наливалась и всыпалась въ маленькия чашечки, стоявшія передъ идолами. Тотъ, кто разносилъ богу посвященные части, дѣлалъ это съ взаннымъ ртомъ и посомъ, чтобы дыханіемъ не осквернить чистоты приносимаго. Затрубили трубы, и старшіе ламы, двинувшись изъ храма, заняли приготовленныя имъ подъ балдахиномъ мѣста. (Мимоходомъ сказать, балдахинъ для старшихъ ламъ былъ изъ богатой шелковой матеріи, съ заткаными драконами, для прочихъ—изъ простой иенальской крашенины, съ чрезвычайно интересными орнаментами и буддистскими божествами). Сначала вышли на сцену двое ламъ, замаскированныхъ старикомъ и старухою,—это клоуны, потѣшающіе честию народъ. Ихъ шутки и самыя движения, также какъ и некоторые атрибуты игры, были крайне нескромны, но очевидно приходились по вкусу публики. Затѣмъ вышли одинъ за другимъ ламы-илясумы. Кос-

тюмы все́й очень богаты, изъ тяжелой шелковой китайской матери. Обыкновенно, когда знатный человек умирает въ этихъ местахъ, онъ завѣщаетъ монастырямъ свои лучшія платья для этихъ празднествъ. Сверхъ широкаго халата и шелковаго пояса, перекрещивающаго и часть груди, надѣты шелковые же пелеринка и передникъ. На ногахъ обыкновенные неуклюжіе, съ толстыми мягкими подошвами, сапоги. Лица покрыты масками различныхъ животныхъ: олена, свиньи, ворона, или человѣческаго лица, но какого! - съ ужасными выпученными глазами, громадными зубами и т. п. Это, очевидно, не тихое, добroe Божество христіанъ, вселюбящее и всепронижающее, а скорѣе грозный, мстительный ветхозавѣтный Богъ, съ тою разницей, что маски его не только страшны, но и отвратительны. Танцы и пантомимы состоять изъ дикихъ движений, неуклюжихъ подниманий ногъ, поворотовъ и т. п., существующихъ представлять главнымъ образомъ борьбу добрыхъ и злыхъ духовъ. Посреди сцены стоять чучело чорта. Являются посланные отъ разныхъ странъ, поднимающіе охоту на чорта, который успѣваетъ увертываться, пока наконецъ его ни загонять въ море; тамъ его ловятъ, убиваютъ и дѣлятъ его тѣло между присутствующими. Такъ какъ чучело сдѣлано изъ риса, то зрители могутъ утолить въ то же время и свой голодъ, и свою злобу на чорта. Голову приносить въ жертву богу, и хотя она также рисовая, но никто не дотрогивается до нея. Оказывается однако, что дѣло этимъ еще не кончилось, такъ какъ чорть опять гдѣто и какими-то судьбами проявился снова и началь

накостить людямъ. Намъ было трудно слѣдить за всѣми перипетіями игры; какъ ни обращались мы къ переводчику за свѣдѣніями, мы только получали отъ него въ отвѣтъ: добрые духи жалуются на то, что такъ много войнъ, что столько людей болѣеть и умираетъ. Опять черезъ иѣсколько времени спрашиваю Лоди: „Что означаетъ вотъ эта пантомима, этотъ танецъ?“ Тотъ обращается въ свою очередь къ окружающимъ и объясняетъ намъ: „Это жалоба добрыхъ духовъ на то, что правители и простые люди подвергаются столькимъ болѣзнямъ, такъ часто умираютъ...“

— „Лоди, Лоди! а что означаетъ вотъ эта пантомима?“

— „Сударыни, они жалуются, зачѣмъ столько болѣзней между людьми, зачѣмъ столько правителей и народа умираетъ...“

Музыка очень монотонная и однообразная, справляемая съ болѣшимъ стараніемъ, чѣмъ талантомъ, ламами, сидящими подъ наряднымъ балдахиномъ. Въ 5 часовъ церемонія этого дня кончилась; на слѣдующій день кончилось и все празднество.

Мы были первыми европейцами, присутствовавшими на этомъ празднествѣ и, надобно сознаться, нашли его не особенно интереснымъ. Счастливо еще, что мы созерцали это мудреное представлѣніе, сидя въ тѣни, а не противъ ламъ, на солнцѣ, гдѣ намъ были приготовлены ковры; безъ сомнѣнія, мы получили бы солнечный ударъ и, въ прибавокъ, коллекцію насѣкомыхъ, какъ скачущихъ, такъ и ползающихъ.

Вечеромъ мы возвратились назадъ въ Чангачелингъ. Василій Васильевичъ побѣжалъ на слѣдующее утро снова

въ Неміончи, чтобы досмотрѣть праздникъ до конца. Онъ разсказывалъ мнѣ послѣ, что повторилась опять вчерашняя исторія съ тѣмъ измѣненіемъ, что ламы танцевали военный танецъ съ саблями, хотя и картонными. Въ этомъ танцѣ участвовали частью и не духовные и, между прочимъ, отличался пріятель нашъ, кривой старикъ, постоянно продававшій намъ курь и яйца. Онъ съ товарищами, вооруженными всѣмъ сиккимскимъ оружиемъ, т.-е. ножемъ, пикою и пластеннымъ щитомъ, гуськомъ прыгали не то какъ тигры, не то по коначчи, весьма характерно, съ такимъ припѣтомъ:

Я сынъ великана,
Никакой звѣрь не посмѣеть сразиться со мною.
Хоть бы и самъ чортъ.
Я летаю быстро, какъ свѣтъ,
Какъ пуга изъ ружья.
У меня мечь великаго короля
И такой величины,
Что нѣть нигдѣ довольно мѣста,
Чтобы повѣсить его.
Ножъ мой лежать три дня въ огнѣ
И три дня въ водѣ морской.

* * *

Въ это же время Чингачелингскій лама сжегъ въ жертву богу множество маленькихъ чертей, слѣпленныхъ изъ риса, что, однако, мало помогло ему вѣроятно, такъ какъ онъ что-то снова заболѣлъ и началъ заводить рѣчь о новой бутылкѣ портвейна. Мы остались еще иѣсколько дней и провели ихъ въ монастырѣ очень удобно.

* * *

Посланный въ Дарджилингъ кули воротился къ этому времени съ провизією и деньгами. Деньги должно быть соблазнили его, такъ какъ онъ укралъ дорогою 5 рупий.

Здѣсь очень развита болѣзнь зобъ, поэтому я всегда приносила изъ аптеки Дарджилинга банку номады противъ этой опухоли. Первую пробу лекарства сдѣлали на женѣ ламы, имѣвшей подъ подбородкомъ порядочный мѣшокъ. Только Лоди, взявшійся за лечение, натеръ горло такъ старательно, что кожа слѣзла у бѣдной женщины и понасакали волдыри. Однако, она увѣрила, что ей много лучше и настаивала, чтобы мы оставили ей этого лекарства.

* * *

Не мало насмѣшилъ настъ оиять пани Чапрасси гордостью своею. Одна изъ моихъ курицъ затерялась куда-то; отыскивая ее, я пришла въ мѣсто, гдѣ въ это именно время нашъ Такуръ вариль свое кушанье. Можеть быть, если бы никого не было при этомъ, ничего бы и не случилось, но такъ какъ тутъ были Лоди и изъкоторые изъ кули, то ему захотѣлось показать свое рвение къ сохраненію чистоты касты, и вотъ онъ презрительно вылилъ на землю все содержимое въ котелкѣ, оскверненное моимъ взглядомъ, разбросалъ и потушилъ огонь! И попало же ему за это. Мужъ мой не только крѣпко выбранилъ его за такую дерзость, но еще къ ужасу Чапрасси схватилъ своими недостойными руками его котелокъ и выбросилъ за монастырскую ограду, сказавши ему, что онъ собственною персоною

улетить туда же за котелкомъ, если еще разъ позво-
лить себѣ что-либо подобное.

* * *

Мы получили письмо отъ короля Сиккима. Его ма-
ленькое величество извѣщалъ насть, что давно уже хо-
тѣлъ писать, но откладывалъ это удовольствіе за многими
государственными занятіями. Письмо, написанное на
тонкой бумагѣ, было по тамошнему обычай завернуто
въ блѣдную шелковую матерію и начиналось словами:
„Шри, Шри, Шри!“ т. е. Счастье, Счастье, Счастье! При
письмѣ былъ подарокъ изъ говядины, орѣховъ и слад-
остей, также китайскій кошелекъ и иѣкоторыя мес-
локи.

* * *

Мужъ мой кончилъ свою работу въ Чангачелингѣ и мы скоро разстались съ монастыремъ и добрымъ ламою. При прощаніи онъ не утерпѣлъ, чтобы ни попро-
сить себѣ теплое пальто: „Оно такъ хорошо грѣеть...“
„Да, отвѣчалъ Василій Васильевичъ, оно дѣйствительно
очень грѣеть, кабы не это пальто, я давно бы просту-
дился, оно очень полезно мнѣ...“

Мы выступили по дорогѣ къ Томлонгу, мимо Це-
міончи; хотѣли-было остановиться тамъ на иѣкоторое
время, но за инумомъ и беспокойствомъ отъ множества
учащихся отложили это намѣреніе и прошли мимо. Лам-
амъ подарили,—одному зеркало, другому кошелекъ
съ деньгами.

* * *

Дорога отъ Пемончи къ монастырю Тассидингу проходитъ чудесными мѣстами. На спускѣ горы выступаютъ на поверхность куски чистѣйшаго бѣлаго мрамора. Жителей вообще не много, такъ какъ горы очень круты, безъ долинъ между кряжами; за спускомъ слѣдуетъ сейчасъ же подъемъ и наоборотъ. Дома стоять на довольно высокихъ фундаментахъ, которые служатъ мѣстомъ для загона скота.

* * *

Тассидингъ лежитъ много ниже другихъ монастырей, всего на 6,000 футахъ. Мы поставили нашу палатку между памятниками (читенями), построенными не надъ гробницами, а просто въ память королей, главныхъ ламъ или другихъ знатныхъ лицъ. Противъ насть прямо былъ большой читень въ честь святого ламы, построившаго Тассидингъ и возродившаго въ особѣ короля Сиккима. Какъ старий лама, онъ долженъ былъ бы оставаться при монастырѣ, но отецъ его вынужденъ былъ у Тибетскаго далай-ламы дозволеніе женить этого единственнаго сына своего и послалъ его около себя. Когда этотъ король-лама умеръ, онъ возродился немедленно въ Бутанѣ, о чёмъ король Бутана и послалъ оповѣстить. Когда знатный лама умираетъ, то вещи его собираются, сохраняются и выдаются тому, въ кого умерший возродится черезъ 8 лѣтъ.

Надо замѣтить, что буддистскіе духовные раздѣляются на двѣ секты: красную и желтую, по цвету одежды. Между этими двумя сектами давняя вражда. Въ иѣ-

которыхъ провинціяхъ преобладасть красная, въ другихъ желтая секта. Въ Сиккимѣ красная.

* * *

Мы едва успѣли познакомиться съ Тассиднингскими ламами, какъ вдругъ они куда-то испрятались, исчезли. Только послѣ разузнали мы, что виной этого былъ нашъ Лоди, приходившій прежде въ Тассиднингъ со своимъ миссіонеромъ проповѣдовать Евангеліе; ламы любезно приняли проповѣдниковъ, выслушали ихъ, одобрили догматы религії, но креститься отказались.

Когда они теперь увидали Лоди, то имъ представилось, что, должно быть, это новый миссіонеръ пріѣхалъ пробовать счастья, и они признали за наиболѣе по-прѣятельственное. Разумѣется, мы ни слова не говорили о религії.

* * *

Вскорѣ пришло къ намъ новое посланіе короля съ тѣмъ же почетнымъ званиемъ: Шри, Шри, Шри! но на этотъ разъ съ жалобою на нашихъ кули, посланныхъ въ Дарджилингъ: они купили на дорогѣ у рыбака фунтъ рыбы и, вѣроятно, въ придачу избили его до полусмерти. Разумѣется, возвратившись, они не заинтринулись объ этомъ. Вотъ король и желалъ разслѣдовать это дѣло, но мы не знали, какъ намъ быть. Лоди могъ писать только на нарѣчіи Лепча, а по буттійскому не умѣлъ. Пришлось просить ламу помочь въ бѣдѣ разо-

брать хорошенько письмо и написать на него отвѣтъ. Кажется, я въ жизнь мою такъ не хотала, какъ тогда, когда онь вмѣстѣ съ нашимъ переводчикомъ пришли, со всемъ подобающею серьезностью, читать по складамъ, а потомъ писать фразу за фразою. Послѣ многаго потѣнія отвѣтное письмо было наконецъ составлено, запечатано нашою государственною печатью и завернуто въ бѣлый шелковый платокъ, ліонскій фуляръ, пожертвованный мужемъ со своей шеи. Къ письму приложено было нѣсколько маленькихъ подарковъ, какъ-то: бинокль, перочинный ножикъ и еще кое-какія мелочи.

* * *

Монастырь Тассидингъ и по древности своей, и по мѣстоположенію, очень извѣстенъ. Извѣстенъ горы, на которой онъ стоитъ, вытекаетъ ручей и хорошо слышенъ шумъ подземныхъ ключей.

Множество богомольцевъ стекается туда, въ особенности къ празднику ежегоднаго вскрытия чудодѣйственной воды. (Изъ нами случилось тоже маленькое чудо. Чапрасси нашъ, сколько его ни уговаривали, не рѣшался брать для питья воду [отъ нашего бисти, т. е. водоноса, а здѣсь вдругъ рѣшился принять эту грѣхъ на душу, чтобы не ходить за водою почти verstу подъ гору—его лѣнность побѣдила кастовую гордость].

* * *

Время отъ времени мы покупали нѣкоторыя интересныя вещи отъ туземцевъ: серебряные медальоны, разныя четки изъ человѣческаго черепа или изъ по-

звонковъ змѣи, трубы изъ костей человѣческой руки, употребляемыя ламами при богослуженіи, тибетскія длинныя серьги съ бирюзою. Туземцы различаютъ бирюзу по цѣнности, мертвую бирюзу они отличаютъ тотчасъ по цвету.

* * *

Храмы—оригинальной постройки, наружные линіи идутъ книзу расширяясь. Одинъ изъ Тассингскихъ храмовъ, средній, самый маленький, храмъ бога войны, выкрашенъ красною краскою, а по карнизу кругомъ нарисованы человѣческие черепа. Такъ какъ давно уже Сиккимъ ни съ кѣмъ не воюетъ, то храмъ этотъ въ порядочномъ забвении: боги въ нынѣ и паутинѣ, пѣть ни поклонниковъ, ни жертвъ... Третій храмъ принадлежитъ монастырю Чеміончи. Лама этого монастыря помогалъ намъ, какъ я сказала, въ писаніи письма и былъ вообще предобный и прелюбезный человѣкъ; мужъ мой нарисовалъ его читающимъ въ портике церкви.

* * *

Уже не мало народа собралось къ водяному празднику и все время слышно было бормотаніе молитвъ передъ читеніями. Ламы въ сопровожденіи богомольцевъ обошли всѣ читени, вездѣ читали и иѣли. Затѣмъ богомольцы предприняли кругомъ всѣхъ монастырей пѣчто въ родѣ крестного хода, весьма странного. Мужчины и женщины бросались ницъ, потомъ вставали, становились на то мѣсто, до котораго доходила ихъ голова, и снова повергались на землю. Церемонія эта продолжается,

смотря по усердію, иногда въ продолжение п'есколькихъ часовъ, такъ что дѣлается п'есколько круговъ около читеній и церквей; она начиналась серьезно, въ религіозномъ настроеніи, а оканчивалась со смѣхомъ и шутками. Вечеромъ собирались всѣ богомольцы передъ памятниками и заіѣли дикимъ нестройнымъ папѣромъ. Вѣроятно, тутъ сказывалось и количество поглощенной мурвы. Лама окроилъ ихъ святою водою, и большая часть разошлась, но п'ескоторые остались чуть ли не на всю ночь распѣвать гимны, такъ что мы принуждены были попросить ихъ отложить п'есне до утра.

Мы не дождались главнаго празднства, во время котораго вскрывается священный сосудъ съ водой. Каждый годъ известное количество воды запечатывается и вскрывается черезъ годъ. Если воды не убавилось, а прибавилось, то будетъ хороший годъ, если же ея стало меньше, то—дурной, съ болѣзнями и разными бѣдствіями. Каждый изъ богомольцевъ отрѣзаетъ себѣ также кусочекъ старого, высохшаго, но священнаго древностю кипариса, невдали отъ насы стоявшаго. И мы взяли на память п'есколько щепочекъ отъ этого благованнаго дерева. О внутренности монастыря здѣшняго нечего сказать особеннаго, она такая же приблизительно какъ и другая,—расписана и разукрашена шелковыми подвѣсками. Распрощавшись съ ламами, изъ которыхъ нашъ добрый пріятель Неміончкій особенно желалъ памъ всякихъ благъ и успѣховъ, мы двинулись къ монастырю Ратламъ на пути въ Томлонгъ, столицу Сиккима.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Путь въ Томлонгъ.—Теплые сѣрые источники.—Ратламъ.—
Приходъ въ Томлонгъ.—Мы представляемъ королю.—Подарки.
—Кунгейнъ-лама.—Покупка различныхъ вещей.—Выходитъ изъ
Томлонга.—Мостъ.—Возвращеніе въ Дарджилингъ.

Трудно передать словами красоту здѣшней растительности и роскошь ея красою. Камней и скаль почти не видно, все закрыто зеленью. И какая зелень! Рододендроны не кустами, а большими деревьями, и въ полномъ цвету. Жаль, что мы не сильны въ ботаникѣ и можемъ слѣдить за растительностью только по книжкѣ; здѣсь руководителемъ панимъ книга Гукера, известнаго англійскаго ученаго (нынѣшняго директора Лондонскаго ботаническаго сада). Нѣсколько словъ объ немъ: это единственный европеецъ, поднимавшийся на Капчингу въ одно время года съ нами, т.-е. въ январѣ. Онь тутъ нутешествовалъ приблизительно 25 лѣтъ тому назадъ и, можно сказать, что рѣдко встрѣчаются разсказы ученыхъ, такъ просто и интересно изложенные. Простота и ясность формы не мѣшаютъ ученымъ наблюдениямъ и выводамъ. Въ то же время, какъ нутешественникъ, онъ отваженъ и предпримчивъ. Но возвратимся къ продолженію нашего разсказа.

Сиукаясь къ рѣкѣ, мы заблудились немного и зашли въ одну избу разсыпать о дорогѣ. Изба порядочно построена, но внутренность, съ очагомъ по срединѣ и сушащимися овоцами по стѣнамъ, смотрѣла не очень уютно, можетъ быть потому, что хозяинъ ся охотникъ.

Висѣли по стѣнамъ рога дикихъ козъ различныхъ формъ, когти медвѣдя, барса и др. Когти эти служатъ талисманами, и хозяйка дома не мало бранилась за то, что мужъ ея продалъ намъ многіе изъ нихъ.

* * *

Издалека пахло сѣрою. Близъ самой рѣки по обоимъ берегамъ находятся сѣрие источники высокой температуры. Термометръ показывалъ 50° Реомюра. Источники эти пользуются большою известностью въ Сиккимѣ, но вовсе не устроены. Передъ нами бывшее семейство ламы исправило немного прорытая надъ ключами ямы и накрыло ихъ павѣсами изъ бамбука. Мы намѣревались пробить здѣсь нѣсколько времени и выдержать небольшой курсъ ваннъ.

* * *

На другой сторонѣ рѣки, въ дремучемъ лѣсу, прыгало и вѣтвями множество обезьянъ. Онь до того шумѣли, что Василій Васильевичъ захотѣлъ ихъ испугать и кстати добыть одинъ экземпляръ для шкурки. Однако, онъ возвратился назадъ съ пустыми руками и рассказалъ, что радъ радененекъ былъ вырваться живымъ. По первому выстрѣлу масса огромныхъ обезьянъ набросилась на него со всѣхъ сторонъ съ восемь и криками, такъ что онъ и не пробовалъ повторить выстрѣль, а, подхвативши ружье, давай Богъ ноги! Все-таки же обезьяны почувствовали урокъ и на слѣдующіе дни не только не шумѣли, но даже почти не показывались.

Ванны до того горячи, что трудно переносить ихъ. Мы не дурно-было устроились. Кули поставили въ рѣку верши, провизіи у насъ было въ избыткѣ, при этомъ погода стояла превосходная, и все бы было хорошо, если бы не масса москитовъ, днемъ и ночью наводившихъ памъ покою; еще по ночамъ мы спасались на половину въ пологахъ, но днемъ рѣшительно ничего нельзя было дѣлать. Эти крохотные мошки (*Pepsis*) оставляютъ по укусеніи маленькая красныя, подковынья пятнышки; пока ихъ не раздерешь и не дашь выдти крови, зудъ не перестаетъ. Непривычный рѣшительно обдираетъ себѣ всю кожу!

* * *

Послѣ нѣсколькихъ беспокойныхъ ночей Василій Васильевичъ бросилъ начатые этюды рѣки съ ея живописными берегами; мы живо собрали нашъ скарбъ и поднялись къ монастырю Ратламъ, вблизи которого и поставили палатку. Кули, по обыкновенію, въ нѣсколько минутъ выстроили себѣ балаганъ изъ древесныхъ вѣтвей.

Монастырь великъ и довольно красивъ, въ немъ для церкви—вверху и внизу. Въ верхней множеству бумагъ и рукописей, къ немалому благонолучію монастырскихъ крысъ, разгуливавшихъ, не стѣсняясь, между этой ученоностью; висѣло кое-какое холодное оружіе и древнійшия ружья, опасныя развѣ тому, кто вздумалъ бы стрѣлять изъ нихъ. Молитvenныя машины, при нижнемъ храмѣ,—необыкновенной величины. На валькѣ навернуты, на поль-аринина толщины, сотни тысячъ молитвъ, обернутыхъ нѣ-верху бараньею кожею, расписанною яркими крас-

ками. Приходящіе вертятъ эти машины, пока хватитъ желанія и терпінія, и въ то же время на различные тоны вынѣваютъ свою священную формулу: „Om mani padme hum“.

Мы застали здѣсь преоригинально одѣтаго бродягу-монаха, съ пѣніемъ обходившаго множество разъ кругомъ монастыря. Онъ не далъ себѣ нарисовать и тотчасъ же скрылся. Мужъ мой рисовалъ кое-что въ монастырѣ, что задержало насъ на нѣсколько дней.

Передъ уходомъ разразилась страшнѣйшая гроза; едва не унесло нашу палатку. Запаснись провизію, мы пошли отсюда прямо въ Томлонгъ, гдѣ король уже ждалъ насъ, какъ намъ говорили.

* * *

На наше несчастіе мы взяли кратчайшую дорогу и очень дурную. Я почти все время шла пѣшкомъ, а Василій Васильевичъ настойчиво продолжалъ ѣхать на своемъ пони, не смотря на то, что нѣсколько разъ упадалъ на камни съ лошадью. Удивительно, какъ счастливо обошлось, что онъ не разбилъ себѣ голову и не скатился съ крутизны. Одинъ изъ нашихъ носильщиковъ слетѣлъ внизъ съ ношю, и съ не малымъ трудомъ удалось вытащить его.

Мы встрѣтили здѣсь молодого ламу, совершенно сѣдого. Разгорившись съ нимъ, узнали, что это у него семейное: отецъ его послѣдѣлъ въ двадцать лѣтъ, а самъ онъ въ пятнадцать. Встрѣтился также лама изъ Несміончи, сначала смотрѣвшій букою, но послѣ двухъ

пріемовъ водки такъ разговорившійся, что насилу удалось отъ него отѣлаться.

* * *

Много народу шло въ Томлонгъ съ солью, чаемъ и проч.

На почлегъ этого днія мы познакомились съ оди-
ницею человѣкомъ, управлявшимъ 64 домами. Онъ
рассказалъ намъ, сколько и откуда податей полу-
часть король Сиккима. Прежде всего отъ англій-
скаго правительства 1,000
фунтовъ стерлинговъ или
10,000 рублей приблизи-
тельно. Затѣмъ отъ каж-
даго семейства изъ 5 че-
ловѣкъ деньгами 10 ру-
блій и натурою: 2 короба
масла, 5 коробовъ риса, 5
коробовъ мурвара съ 5 че-
ка, 1 корову и 1 свинью.
Тѣ, что занимаются руч-
ными работами, прино-
сятъ лучшия свои произве-
денія. Кромѣ того, когда
на лѣто король уходитъ

Молодой лама.

далѣе въ горы въ Тибеть,

каждое семейство обязано поставить въ Томлонгъ одного работника, для переноски вещей.

* * *

Мы пришли къ рѣкѣ Тиста, къ длинному бамбуковому мосту, самой первобытной постройки изъ бамбуковыхъ стволовъ, буквально прыгавшихъ подъ ногами. По такому подвижному мосту, надъ шумящимъ и пенящимся рѣкою, я не рѣшилась идти; мінъ завязали глаза, и одинъ изъ кули перенесъ меня на спинѣ. Съ лошадьми было очень трудно; ихъ загиали выше по рѣкѣ, гдѣ она не такъ бурна. Перекинули съ одного берега на другой веревку, которую и неретаскивали одну за другою лошадей, стараясь только поддерживать морды, какъ можно выше надъ водою. Бывший при переправѣ Бутіа увѣрялъ, что коли не задобримъ прежде всего водяного, то добра не ждать, и мужъ мой, отломивши вѣтку дерева, бросилъ ее г-ну водяному,—должно быть, жертва была принята, такъ какъ лошади переправились благополучно.

Отсюда къ послѣднему передѣ Томлонгомъ почлегу пришли поздно. Какой-то глупый прохожій увѣрилъ, что мѣсто для остановки очень близко, и, послушавши его, мы едва не заночевали на камняхъ. Сюда король выслалъ для нашего пріема двухъ слугъ присмотрѣть, не нуждаемся ли мы въ чемъ и на утро провести насъ дальше. Отсюда хорошо видна уже сто-

лица Томлонгъ, деревушка въ дюжину двѣ домовъ. Кули, посланные по обыкновенію парубить лѣсу для огия и бамбуковыхъ стволовъ для палатки, потребовали вдругъ денегъ, увѣряя, что есть строгий приказъ вблизи резиденціи короля не рубить ничего безплатно. Игра ихъ была понятна, согласись мы съ этимъ теперь, пришлось бы во все время нашего пребыванія тутъ уплачивать за то либо. Василий Васильевичъ сейчасъ проигнорировалъ зачинщика этой нелѣности и остальные принялись исполнять всѣ приказанія по прежнему.

На слѣдующее утро явились два новые посланные отъ короля съ пожеланіями и съ подношениемъ холодной, сладкой, очень вкусной, мурвы и апельсиновъ. (Кстати замѣчу здѣсь, что маленькие апельсины, известные въ Европѣ подъ именемъ ма и да ри овъ, въ Сиккимѣ очень дешевы и хороши). Посланные были немного лучше одѣты, чѣмъ прибывшіе наканунѣ. Они подъ уздцы перевели нашихъ лошадей черезъ ручей. Скоро приѣхалъ на-встрѣчу третій всадникъ, еще болѣе нарядный, — весь въ красномъ, и съ сергою въ одномъ ухѣ, до самаго плеча; онъ привелъ трехъ засѣдланныхъ, крытыхъ ковриками лошадей. Такъ какъ съ насъ довольно было и нашихъ, то на приведенныхъ усѣлись они сами, и мы всѣ длиною процессію двинулись въ гору, на которой раскинуть Томлонгъ. Немножко отдохнули, чтобы пропустить кули впередъ и пройти уже прямо въ нашу собственную палатку. Сопровождавшіе насъ чиновники не остались безъ занятія, во время нашего отдыха, они всѣ принялись за ловлю и умерицвле-

ие паразитовъ. Снова двинулись мы впередъ уже между множествомъ любопытныхъ, собравшихся поглядѣть на первую, въ этихъ мѣстахъ, европейскую женщину. Налатка наша была разставлена противъ шатра китайской формы, первого министра Шангзеда; у дверей этого шатра дожидался самъ министръ между иѣсколькими рядами солдатъ, имѣвшихъ на головахъ что-то въ родѣ корзинокъ. Пройдя сначала въ пану налатку, мы представились затѣмъ Шангзеду. Это сводный братъ короля, на видъ ему отъ 50—60 лѣтъ, лицо и голова выбриты, кромѣ косы; одѣтъ онъ въ свѣтло-синій халатъ плотной китайской шелковой матеріи. Надобно знать, что во всѣхъ маленькихъ государствахъ буддистской религіи господствуютъ китайскія моды, такъ что Шангзедъ былъ польщенъ, когда мужъ мой сказалъ ему, что все окружающее напоминаетъ ему Китай и самъ онъ, какъ нельзя болѣе, похожъ на китайскаго мандарина. Но его пріему видно было, что онъ умѣлъ хорошо держать себя. Онъ освѣдомился, не очень ли мы страдали отъ дурныхъ дорогъ.—„Нисколько, отвѣчали мы, не краснѣя, дороги у васъ не такъ дурны“... Мы узнали, что король желаетъ видѣть насть и на слѣдующее утро назначена была аудіенція.

* * *

Дворецъ только немногого побольше прочихъ построекъ, со своимъ вызолоченнымъ шпицемъ онъ походитъ на храмъ. Съ самаго ранняго утра стоялъ уже народъ

между нашею налакою и дворцемъ, вѣроятно тутъ были не только Томлонгскіе жители, но и собравшіеся изъ окрестностей, чтобы поглядѣть на единственный случай представленія ихъ королю европейской дамы. Мы прошли подъ руку между шпалерами любопытныхъ и вступили во дворецъ черезъ ряды полудюжинъ солдатъ съ тѣми же коробками на головахъ, дававшими имъ видъ скорѣе настуховъ, чѣмъ воиновъ; только длинные Сиккимскіе ножи на бедрахъ напоминали о томъ, что они не прочь при случаѣ пролить кровь враговъ资料 of its own country.

Передняя сторона комнаты, въ которую мы вошли, заставлена изображеніями боговъ, какъ бы продолженіемъ которыхъ былъ король, неподвижно стоявшій на возвышеніи, крытомъ желтою шелковою матеріею. Мы думаемъ, что эта комедія маленькаго трона была устроена специально для насъ и что подъ матеріею и по дуниками быть пустой опрокинутый ящикъ. Вирочемъ, удостовѣриться въ этомъ было трудно. Король—малый лѣтъ 16—17, съ глуповатымъ выраженіемъ лица. Верхняя губа его разсѣчена, вѣроятно лошадью, почти до носа; типъ лица совсѣмъ монгольскій. Когда два года тому назадъ его бездѣтный братъ умеръ, то было предположеніе отстранить его отъ престолонаслѣдія. На нашъ поклонъ король не отвѣтилъ, можетъ быть этикетъ не позволялъ этого, а можетъ быть, и это вѣрилъ, парень немножко сконфузился. Мы сѣли. Передъ нами поставили на столъ мурваръ, крендели и сладкій картофель. Шангрездъ, со сложенными ладонями, какъ передъ божествомъ,

передавалъ вопросы короля (или, лучше сказать, за него дѣлать ихъ), также какъ и пани отвѣты; а Лоди, порядочно сконфузившійся, бормоталъ переводы всѣхъ изліяний. Послѣдовали, разумѣется, вопросы о здоровье англійской королевы? — Здоровъ! — Ея министры? — Также здоровы! — О дорогъ, и т. д. Когда со всѣми этими важными предметами было кончено, Шангзедъ далъ знать людямъ, стоявшимъ около дверей, и они прошли, а черезъ нѣсколько секундъ начали къ панимъ ногамъ буквально цѣлую гору разныхъ подарковъ.

Василій Васильевичъ зналъ уже, что не обойдется безъ обѣда подарковъ, почему и распорядился приготовить два сорта ихъ. Первый, изъ различныхъ бездѣлушекъ, былъ назначенъ на случай, еслибы панъ сдѣлали малые, незначительные подарки. Второй, состоявший изъ новаго, недавно купленного въ Калькутѣ, ружья, долженъ былъ бытьпущенъ въ ходъ лишь тогда, еслибы панъ подарено было что-либо существенное. Когда, какъ сказано, человѣкъ 15 положили передъ паними ногами королевскія подношенія, занявшия половину комнаты, Шангзедъ сказалъ панъ: „не взыщите, мы народъ не богатый... не можемъ дать болѣе“... Признавшись, панъ было совѣстно: тутъ была масса крѣпко увязанныхъ тюковъ, коробокъ, подносовъ и т. д. Мужъ мой отвѣтилъ: „наиболѣе, это слишкомъ много“, и приказалъ Лоди принести второй подарокъ, т-е. первый №, ящикъ съ ружьемъ.

Нашъ подарокъ понравился имъ необыкновенно; Василій Васильевичъ показалъ имъ, какъ дѣлать на-

троны, какъ заряжать, и обѣщалъ прислать пороху. Тогда король, министръ и всѣ окружающіе просто пришли въ восторгъ и благодарили со сложенными ладонями. Когда мы пришли домой и развязали принесенные за пами подарки, то нашли апельсины, дрянные рись и масло, изъ которыхъ куски котораго были совсѣмъ по-зеленѣвшіе. Вотъ какъ наружность обманчива! Хотя мы получили еще иѣсколько барановъ, куръ и дрянную тибетскую лопаденку, все-таки ружье стоило несравненно дороже, чѣмъ эти прелести, вмѣстѣ взятыя, и его величество не потеряло на обмѣнѣ.

* * *

Желая пробыть изъкоторое время въ Томлонгѣ, мы перенесли нашу палатку немнога поодаль, на гору, гдѣ прежде сожигали мертвыхъ. Противъ насъ монастырь, резиденція Кунгечъ-ламы, старшаго въ Сиккимѣ и безсмертнаго, такъ какъ на подобіе Тибетскаго далай-ламы онъ возрождается немедленно же по смерти.

Изътрехъ ламъ, основавшихъ Сиккимское королевство, одинъ остался въ Яксунѣ, въ монастырѣ Добди, другой въ Тассидингѣ и третій въ Чангачелингѣ. Тассидингскій лама постоянно возрождался и былъ послѣ главнымъ ламою въ Неміончи. Въ послѣднее время, возродившись въ сынѣ короля, онъ съ дозвolenія тибетскихъ властей по-мѣстился около отца въ Томлонгѣ, гдѣ и выстроенъ былъ

для него особый монастырь. Кроме того, далай-лама далъ этому ламѣ, королевскому сыну, дозволеніе жениться и онъ вступилъ послѣ отца своего на престолъ, соединивши въ своемъ лицѣ свѣтскую и духовную власть. Свѣтская власть перешла къ умершему брату нынѣшняго короля, а духовная тотчасъ возродилась въ какомъ-то бѣдномъ семействѣ въ Кунгень-ламѣ, жившемъ въ нашемъ сосѣдствѣ. Зимою живеть онъ здѣсь, а лѣтомъ, когда король уходитъ въ Тибетъ, перебирается въ Неміончи. Надобно сказать, что эта особа пользуется величайшимъ уваженіемъ. Никто, кроме старшихъ ламъ и его прислуги, не имѣеть чести его видѣть. Тѣ же, которыми выпадаетъ счастіе представляться ему, преклоняются передъ нимъ, какъ передъ божествомъ. Попадающіеся во время переѣздовъ бросаются на землю, чтобы какъ-нибудь пенарокомъ не встрѣтиться глазами съ такою святостью.

Василій Васильевичъ близко познакомился съ этимъ экземпляромъ, представлявшимъ божество на землѣ. Пока онъ писалъ этюды въ монастырѣ, Кунгень-лама часто приходилъ къ нему поболтать. Это—юноша лѣтъ 19, съ сильно-черными, коротко остриженными волосами и порядочно тунымъ лицомъ; сидѣть онъ обыкновенно въ большомъ глубокомъ креслѣ, напоминающемъ напскій тронъ, говорить тихо, не возвышая голоса, и, когда ему нужно позвать слугу, хлонаетъ въ ладони. Неразвитая и мало интересная личность. Онъ носить спереди вышитый мѣниокъ, напоминающій наши гусарскіе, какъ знакъ обѣта цѣломудрія. Неизвѣстно, виро-

чемъ, насколько строго онъ держитъ этотъ обѣтъ, такъ какъ довѣренный слуга его просилъ по секрету у Василія Васильевича лекарства противъ кое-какой болѣзни, полученной, по словамъ слуги, отъ усиленной молитвы.

* * *

Къ намъ являлся всевозможный проводъ съ разными болѣзнями. Напр., одинъ лама наставительно просилъ лекарства отъ червей, грызшихъ его желудокъ; и дала ему мятныхъ капель и они помогли. Во всякомъ случаѣ наши шевинныя лекарства были не менѣе полезны, чѣмъ наговоры, молитвы, заклинанія и проч. медицина ихъ знахарей, преимущественно ламъ же. Многіе приходили съ жалобами на сильный зобъ. У одного старика болѣзнь эта дошла до того, что онъ съ трудомъ дышалъ и едва могъ говорить; жена его и еще другая женщина страдали тѣмъ же, и почти на столько же. Многіе Томлонгскіе жители приносили продавать различные одежды, уборы и украшенія. Ламы являлись часто ночью, чтобы выручить немножко денегъ за головной уборъ, употребляемый при церемоніяхъ, или за священную чашечку изъ корня дерева и т. п., что они не осмѣливались продавать при людяхъ. Между добытыми нами вещами были очень интересныя четки изъ человѣческаго черепа — цѣлый черепъ обыкновенно идетъ на одну нитку четокъ. Чашки, употребляемыя ламами, также вышлиены изъ верхней черепной кости. Одинъ лама продалъ

талисманъ съ глинянымъ изображеніемъ Будды, благословленнымъ самимъ далай-ламою. Въ придачу онъ объяснилъ намъ, между прочимъ, что въ Непалѣ есть читень, поставленный одною матерью въ честь ея за что-то прославленнаго сына. Читень этотъ, которому Непальцы покланяются, до того святы, что нужно было приковать его цѣнами къ землѣ, чтобы онъ не улетѣть на небо.

* * *

Василій Васильевичъ хотѣлъ нарисовать яка, и король приказалъ привести одного изъ его стада, насчитывающаго невдалекѣ, на Тибетской границѣ. Его величество не утерпѣлъ, однако, чтобы не воспользоваться случаемъ и не попросить перочиннаго пожичка „въ родѣ того, что мы прежде прислали изъ Тассидинга“. Яки очень похожи на корову, только поменьше, съ черными длинными волосами, больше удлиненною мордою и пушистымъ хвостомъ. Это животное разсудительное и осторожное въ ходѣ по горнымъ тропинкамъ. Ему можно смѣло довѣриться тамъ, где лошадь, лошакъ и оселъ скользятъ и падаютъ. Въ восточныхъ Гималаяхъ, где сѣверная линія почти на 20,000 футахъ вышины, яки не живутъ ниже 11,000 футъ, а такъ какъ мы были въ Томлонгѣ только на 9,000 ф., то мужъ мой торопился поскорѣе написать приведенный экземпляръ, чтобы не дать ему заболѣть лихорадкою, ихъ обыкновенною болѣзнию на малыхъ высотахъ. Однако уже на слѣдующій

день якъ наше видимо заскучалъ, а подъ вечеръ началь стонать, всѣ отправленія его остановились,—было очевидно, что онъ въ лихорадкѣ и, воротившись, можетъ заразить все стадо; поэтому, когда рисованіе кончилось, кули убили животное и съѣли его.

* * *

У чиновниковъ королевскихъ длинныя, предлинныя серьги, большую частью въ одномъ ухѣ. У Тибетскихъ на головѣ мягкая илоская широкая шапка, на поясѣ ножикъ съ костяными налочкиами для йды, никогда впрочемъ не употребляемыми, такъ какъ иницу рвутъ и кладутъ въ ротъ руками; при поясѣ же висятъ кремень съ огнивомъ и кошелекъ съ табакомъ. Объ Тибетѣ всѣ говорятъ не только съ благоговѣніемъ, но и восторженно, какъ о земномъ раѣ, а между тѣмъ известно, что это бѣдная и крайне суровая страна.

Одинъ изъ чиновниковъ Шангзеда часто приходилъ къ намъ продавать различные вещи, вѣроятно подосланные Шангзедомъ, который самъ стыдился торговаться. Обыкновенно онъ запирашивалъ за все пепомѣрные цѣны и, кромѣ того, вырашивалъ то, что пойадалось подъ руку. Мы имѣли удовольствіе распознать нашу маленькую бутылочку, изъ-подъ трюфелей, въ роли табакерки; пустыя винные бутылки улетучивались безслѣдно, а за жестяные, оклеенные парядными цвѣт-

ными бумажками ящики, изъ-подъ сухарей, ссорились передъ нашими глазами весьма почтенные люди.

* * *

Почти за все время нашего пребыванія въ Томлонгѣ шелъ дождикъ. Въ высшей степени интересенъ былъ видъ горъ въ непогоду. Норазительнѣйшія картины смѣняли одна другую. Совершенно синяя горы мѣшиались съ бѣлыми облаками, разрѣзались молниєю, перетягивались радугою, застилались какъ-бы киссесю дождя, черезъ которую снова прорѣзалось солнце, да такъ сильно, такъ эффектно! Это были удивительныя декорации.

* * *

Скоро мы были богаты этюдами, замѣтками, а также цѣлою этнографическою коллекцію. Кстати, прибавился еще портретъ одного Тибетскаго чиновника, пришедшаго попросить пороху; мужъ мой далъ ему пороху, но за то сейчасъ же написалъ его широкую физіономію съ плоскимъ носомъ и длинными серыгами. Передъ отѣзломъ Василій Васильевичъ послалъ Кунгень-ламъ въ подарокъ довольно большое зеркало. Святой мужъ ожидалъ, вѣроятно, болѣшаго, таکъ какъ наивно спросилъ нашего посланнаго: все ли тутъ или еще что нибудь будетъ? Мы простились и съ Шангзедомъ, который какъ ребенокъ дожидался, какой будетъ ему подарокъ; даны были ему серебряные часы и карманный револьверъ, которые

онъ вертѣль и повертывалъ на всѣ лады. Что касается прежде подаренного ружья, то они восхищались имъ больше платонически, по крайней мѣрѣ до нашего отѣзда нашелся только одинъ смѣльчакъ, стрѣлявшій изъ него послѣ моего мужа.

* * *

Выѣхавши изъ Томлонга, мы остановились на томъ же мѣстѣ, гдѣ почевали передъ приходомъ туда. На пути оттуда догналъ насъ гонецъ Шангзеда съ ужасною вѣстью... господинъ его потерялъ ключикъ отъ часовъ и прислали самые часы съ просьбою пустить ихъ въ ходъ, если можно. Василій Васильевичъ велѣлъ ему сказать, что посыпаетъ ключъ отъ своихъ собственныхъ часовъ, чтобы доказать полное къ нему уваженіе...

Въ дорогѣ имѣли мы затрудненія съ деньгами, такъ какъ туземцы неохотно принимали новое серебро—старое по ихъ словамъ тяжеловѣснѣе, въ чемъ, вирочимъ, они и не ошибаются. Дичины здѣсь по дорогѣ уже положительно мало, такъ что все мысное приходилось покупать. Дикия курочки попадаются здѣсь еще рѣже; онъ очень похожи перомъ и вкусомъ на домашнихъ курь, только кожа у нихъ черная. Дикие фазаны,—птички, очень небольшія, съ зелеными перьями, схожія съ попугаемъ,—тоже рѣдки.

Безъ особыхъ приключеній перешли мы снова мостъ черезъ Тисту, съ тою только разницею, что теперь не въ мѣру хлопоталь около насъ чиновникъ королевскій, имѣвшій, разумѣется, главнымъ обра-

зомъ въ виду получить за свои хлопоты хорошую получку на водку. Дожди перестали, и мы тихо, спокойно продолжали наше путешествіе въ Дарджилингъ. Отъ рѣки поднялись сразу до 8,000 ф. и опять потомъ спустились. На встрѣтившуюся тутъ, по самой срединѣ дороги, гробницу каждый изъ нашихъ кули счелъ обязанностью бросить по камню и затѣмъ обойдти ее непремѣнно съ лѣвой стороны, какъ, вирочемъ, и около читей и всѣхъ святостей. Избави богъ пройти съ правой стороны! Въ слѣдующей деревнѣ мы получили съ нашимъ почтовымъ кули письма и газеты изъ Дарджилинга, куда и мы вскорѣ надѣялись добраться.

Послѣ трехъ-мѣсячнаго странствованія по снѣгу, камнямъ и грязи, послѣ холода, иногда голода и почти постоянныхъ дождей, пріятно было думать, что черезъ нѣсколько времени попадешь подъ крышу и отдохнешь тамъ. Однако, хоть дорога была и пріятна, но жары начали давать себя чувствовать. Множество личей, сортъ піявокъ, выползавшихъ изъ земли, были истиннымъ наказаніемъ для босоногихъ кули. Меня не укусила ни одна. Василью Васильевичу присосалась одна къ ступинѣ. У лошадей нашихъ ноги были совсѣмъ въ крови, также и кули поминутно вытаскивали изъ кожи непрошеныхъ гостей. Лѣтомъ, когда здѣсь очень жарко и лютъ почти безостановочно дожди, очень трудно путешествовать изъ-за этихъ піявокъ, присасывающихся тогда всюду и въ невѣроятномъ количествѣ.

Мы спустились до деревни Немчи со старымъ монастыремъ, гдѣ строится еще новый. У постройки, на высокомъ шестѣ, ящичекъ съ водою и рисомъ, тутъ же

хвостъ яка и сабля — все это приношения богу для испрошения счастливаго, мирного и безкровнаго окончания постройки. Оттуда небольшой переходъ до рѣки Рангитъ, мостъ черезъ которую переброшены еще своеобразнѣе, чѣмъ черезъ Тисту. Такъ какъ здесь есть и паромъ, то мы предиочли переправиться на немъ. Двадцать-пять лѣтъ тому назадъ рѣка эта принадлежала еще Сиккимскому королевству, т.-е. независимому Сиккуму, но была отобрана и присоединена къ Англійскимъ владѣніямъ въ наказаніе за изгнаніе Гукара. На другой сторонѣ грязное поселеніе изъ нѣсколькихъ Непальскихъ семействъ. Отсюда прошли мы прямь въ Дарджилингъ черезъ множество чайныхъ плантаций, по которымъ цѣлыми Непальскія семейства занимались собирашеніемъ чая въ коробки, перекинутыя за спины. Непальскія женщины, довольно миловидныя, напоминаютъ японокъ. Они носятъ большія серги и очень большія кольца въ носу, что немногого безобразитъ ихъ.

* * *

По знакомой дорогѣ добрались мы до знакомой гостиницы Дойля, гдѣ денекъ-другой отдохнули. Съ кули расплатились и дали имъ на всѣхъ 100 руний на водку, за то, что они чуть-чуть не похоронили насъ въ снѣгахъ Канчинги. Знакомые наши, маіортъ Джаджъ и другіе, не вѣрили, что мы действительно были въ Джонгри и что мы прожили тамъ 4 дня. Мы послали венцы тяжелую почтою и, распростиившись съ любезно принявшими насъ англичанами, спустились въ долину. Сначала почтою,

потомъ пароходомъ по Гангу и наконецъ желѣзпою до-
рогою доѣхали мы до Дели. Въ Аллахабадѣ намъ попался
нечалинико № Pioneer'a съ корреспонденціею изъ Дардже-
линга, гдѣ, вмѣстѣ съ любезностями насчетъ таланта и
энергіи моего мужа, высказывалась увѣренность, что онъ
„не даромъ рисовалъ горы, ручьи и горные про-
ходы!..“ Такъ кончилась наша поѣздка въ восточный Гималайи. Въ слѣдующей части мы разскажемъ нашему
экскурсію въ западную часть хребта — въ Ладакъ, и
къ соленымъ озерамъ западнаго Тибета.

Шангзедъ.